

Смотря
когда-то
научаюсь

История, послужившая предпосылкой к "Призраку самого Отчаяния".

Древняя проклятая кровь, разделившаяся на две семьи никогда не должна сливаться снова, но судьба хочет распорядиться иначе. Они еще не знают, кем придется друг другу, но их встреча была неизбежна. За ними, рука об руку идут Любовь и Смерть. Кто найдет их раньше?

История первая. Маленький крестик

Много веков назад по людскому летоисчислению в покрытую лесами долину через каменистый перевал шагнула дружина второго сына князя, чье имя так и осталось неизвестным, поскольку, о своем отце Сарион говорить не любил и в своем присутствии таких разговоров не переносил.

Оставив след на заснеженном перевале, он узрел в тени далекие горы
— Вот она — граница моих владений!

Он смело шагал вперед с кучкой беженцев и небольшой дружиной. И не пугали его во мраке нависшие горы, туманные леса и непролазные болота.

Судьба княжича, или как он тут же себя провозгласил — князя, была незавидная. Старший сын — унаследовал престол, а непомерные амбиции младшего не позволили ему уйти, как это делали остальные на войну и сдохнуть где-то в чужеземье. Не позволили так же отщипнуть кусок и без того небольшого княжества и тихо править там в свое удовольствие.

Подняв в государстве смуту он так и не смог свергнуть старшего брата и в отчаянии и злобе повел за собою часть народа в поисках новых земель. Долго тащились они по заснеженным горам, пока не вышли из северных владений и не ступили на единственный путь в широкую и плодородную долину. Охотились, жались вечерами у кострищ, хоронили замерзших и умерших от болезней и шли, шли, шли....

Шли они до тех пор, пока боги не смилостивились над ними и не привели в этот холодный, прекрасный край. Основал Сарион свое княжество и сердцем поставил Зимний Город. Поначалу княжество было похоже на деревню, но с годами оно расползлось на сотни лиг в округе ... На строительство дворца ушло восемь лет. За те годы князь возмужал, и теперь он, Сарион Великий обладал большими владениями, чем его отец, а ныне брат. Ни разу за десять лет не потревожили его враги, ни разу за десять лет ничья нога не ступила на перевал без его ведома. Удобство тактики заключалось в том, что проход был настолько узким, что его можно было защищать совсем небольшим войском. Постепенно, жизнь наладилась, из соседних, заперевальных княжеств, в поисках лучшей доли стали стекаться под флаги Зимнего Города безземельные, обиженные крестьяне, опальные аристократы.

В то утро король стоял на балконе своего замка, и смотрел за процессом возведения стены вокруг города. С каменоломен везли добротный камень, его тащили волоком и поднимали на мудреных механизмах. Но не это сейчас тревожило князя. Прослышал Сарион очень интересную сказку от бывалых охотников, что в глубине леса стоит еще один город, и живут там испокон веков народ дивный, дивнее не сыщешь. Глаза, молвят у них у всех огромные зеленые, словно трава весенняя, а зрачки поперечные, сами они тонкие и высокие, а женщины их....

— Да врут сказки, мало ли чего дитятам малым рассказывают... Не мог Господь таких,

прости Господи, уродцев сотворить... — молвил Епископ, который, помнится, был простым деревенским священником, когда покинул владения Сарionoва отца. Теперь он — личный духовник князя.

Однажды конь князя, споткнулся и сломал ногу о мраморную плиту во время охоты. Князь проделал грудью и лицом широкую борозду в жухлой листве. Пока слуги поднимали его, вытирали, да отряхивали, князь, охая от боли, вернулся той злосчастной плите.

— Да чтоб тебя! Такого скакуна потерял! — и тут взор его остановился на другой такой плите в нескольких метрах от первой, выглядывающая из осенней листвы И так целая дорога. Он дал команду слугам, чтобы те пошли и разведали что к чему. Скакун лежал и хрипел. Нога была в ужасном состоянии. Кость торчала из раны. А кровь заливала листья. Конь все пытался встать. Его придерживали оставшиеся с князем егеря и не знали что делать. В таких случаях дело ясно, но конь то был княжеский, и добить его, чтобы не мучился, никто не решался.

Тут вернулись слуги, но ни одни. С ними были люди... Да какие люди. Да, не врили сказки — на людей они были похожи лишь издали. А вблизи...

«Кошкоглазые» — так их мысленно прозвал князь. Один из кошкоглазых подошел к коню, а тот словно понял все приутих и выставил больную ногу. Кошкоглазый прикоснулся к ране и та исчезла! Князь не поверил глазам своим, когда к нему повели его скакуна. Конь даже не хромал. Один из кошкоглазых, облаченный в сверкающий причудливый наряд сделал пригласительный жест и князь отдал на поруки егерей чудесно исцелившегося коня, пошел за ним.

То, что он видел не суждено забыть никогда. Белоснежные, словно сотканые из тумана дворцы, дивные цветы, оплетающие почти парящие колонны и люди... Он наконец сумел рассмотреть их: их кожа была бледная как мрамор, их движения были плавны как кошачьи. А тела тонкие, как лезвие меча. И нигде, нигде не увидел князь ни стен, ни оружия, но мощь таких соседей угадывалась в их необыкновенной силе. Ему воздали великие почести, что очень польстило Сарionoвому самолюбию, но мысль о том, как жить, имея под боком превосходящую его во всем силу, назойливо лезла в голову. Вернувшись во дворец, он часами размышлял над этим вопросом, а епископ, пытаясь загладить свою вину, давал всяческие советы.

— Напасть первым? Ты с ума сошел, старик! Да они нас одним пальцем раздавят. — мрачно орал князь на весь зал, а потом снова замолкал и слышно было его недовольное сопение.

— Раньше такие проблемы решали женитьбой... — начал было священнослужитель, но тут же осекся в ожидании еще одной вспышки гнева.

— Женитьбой... — эхом отозвался князь и однобоко ухмыльнулся. — Жениться... Он откинул черные волосы с лица и велел позвать слуг.

— Князь собирается жениться! — весть мигом облетела все княжество.

— Жениться? — переспросил пепельноволосый король Кошкоглазых. Один из присутствующих подошел к королю и они о чем-то переговаривались на непонятном шипящем языке.

— Это мой главный егерь. Он знает ваш язык лучше, чем я.

«Да, — подумал князь. — ГЛАВНЫЙ ШПИОН он, а не егерь, интересно, почему они так удивлены.»

— Хорошо, — продолжил король, — я согласен.

И в этот момент в аркоподобные белые двери вошла девушка, облаченная в бледно-зеленое платье. Ее пепельные волосы, спадали ниже пояса и были увиты болотными цветами.

— Моя дочь. — представил ее король.

Девушка, подняла глаза и пристально посмотрела на князя. Ничто не дрогнуло в ее лице, ничто не выдало ни страха, ни разочарования, ни восхищения, ни симпатии. Она неспешно перевела взгляд на отца и долго смотрела на него. Отец кивнул и она в сопровождении нескольких слуг отправилась вместе со своим супругом в Зимний город. Только глаза слуг выдавали жалость к хрупкой королевне.

В качестве приданного были подарены две белоснежные короны, сделанные из неведомого металла. Помимо этого были подарены множество украшений, драгоценностей, посуды... Интересно, что вместо платьев Королевна взяла с собою только небольшой мешочек, в котором лежали молочно-белые камни.

— Как тебя зовут? — князь учтиво взял ее за руку. Рука была очень тонкая и очень холодная.

— Варламеншуйшас... — ледяным голосом ответила она. Но руку не выдернула.

— Варла... Ты не против, если я буду называть тебя так? — князь улыбнулся, но она не ответила на его улыбку.

Пройдя обряд венчания, Варла (ее никто иначе не называл) поселилась во дворце, в отдельных покоях. Постепенно все привыкли к княгине с кошачьими глазами, только вот князя мучило от одной только мысли о ней. Да, ее можно было назвать красивой, она была во много раз красивее всех придворных дам, но ее холодность, и как ему казалось брезгливость, никак не способствовали счастливой семейной жизни. Она почти не разговаривала, а поцелуи князя встречались насмешливым, как ему казалось, взглядом. Князь возненавидел ее, за ее равнодушие ко всему... Весть о том, что княгиня наконец беременна — князь принял с радостью — это избавляло его от необходимости спать с ней в одной кровати. Беременность протекала необычно. Казалось сквозь тонкую кожу, можно было увидеть плод, настолько хрупкой и полупрозрачной стала Варла. Ребенок родился с задержкой... В три месяца... Это повергало придворных врачей, и бабок повитух в недоумение. Мальчик успел сделать только два вдоха и умер. Варла, пришедшая в себя билась и кричала, протягивая руки к мертвому сыну.

— Амидон, мой Амидон! — шептала обессиленная женщина...

И уважив просьбу матери, ребенка похоронили по христианскому обычаю под дивным именем Амидон.

Князь был вне себя от гнева! Его сын, наследник престола стал первым в родовой гробнице в подземельях замка. Варла больше не выдавала свои эмоции, как только она смогла встать с кровати она прогнала слуг, разложила привычным движением в нужном порядке белые камни, принесенные ею со своей родины и долго разговаривала с ними. А потом из собственной слезы, движением руки, создала застывший камень, необычайной красоты. При помощи небольшого кинжала, надрезала руку. Струйка крови, брызнувшая из пореза, не упала на стол, а завертелась в воздухе, приняв очертания кольца. Сие творение воспарило на столе и слилось с камнем. По окончанию работы на хрупкой ладони княгини лежал перстень из красного золота с камнем невиданной огранки. Она неспешно встала, и пошла по ночному замку, усыпляя стражников одним движением руки, пройдя мимо

комнаты мужа она повернула в сторону главного зала, но, не доходя до него, спустилась в усыпальницу и заклиниванием закрыла дверь.

Пробыв там около получаса она спокойно поднялась к себе.

Спустя три месяца слух о ее беременности вновь подтвердился. И на этот раз беременность тоже длилась дольше обычного, и ребенок, появившийся на свет тоже был очень слабым. Почти сразу, как только смогла Варла надеть на шею младенца, серебряную цепочку, на которой висел перстень. Ребенок выжил.

— Амидон... мой Амидон... — шептала она глядя на него. Ребенок поднял на нее зеленые с поперечным зрачком глаза.

— Тьфу ты, напасть! Кошкоглазый! — взвыл князь, увидев сына.

— Главное живой! — утешали его придворные.

Обряд крещения прошел незамедлительно...

— Именем Каэль, нарекается он пред Господом нашим... — монотонно выли епископ.

— Он — Амидон! — посреди тишины раздался голос княгини. — Ибо так нарекла его я!

Охи и ахи покатались по часовне. Сарион посмотрел на Варлу с ненавистью и сказал:

— Я решаю как назвать своего сына!

— Он и мой сын тоже. — глаза Варлы горели пламенем решительности.

— У нас не принято называть в честь покойников. С этих пор он именуется Каэль, а ты его больше не увидишь. Я не дам тебе его воспитывать, ведьма... — И он, покраснев от гнева, сорвал цепочку с кольцом, которую она повесила сыну на шею. Швырнув все это на пол, он приказал продолжить обряд.

Как только он обернулся он не увидел ни княгини, ни перстня, лежащего под ногами.

Целый день Варла не выходила из комнаты и о чем-то долго разговаривала с камнями. Она спорила с глухим голосом, доносившимся, словно издалека, а потом, радостно улыбнулась, оскалив остренькие зубки.

В тот вечер стража спала как убитая, напившись в честь такого праздника. Бдели только нянька с кормилицей, сидящие у колыбели в отдельной комнате. Им осталось совсем немного до того, как темная фигура одним касанием лишила жизни обеих. Ребенок проснулся и не вскрикнул, не заплакал, лишь протянул руки.

Схватив завернутого в простыни мальчика, тень неслышно покинула замок. Летя без седла и стремян в ночь, Варла прижимала к груди драгоценный сверток.

Князю не спалось, пройдя в соседний покой, обнаружив два трупа, аккуратно прислоненных к пустой колыбели. Он с криками: «Где эта ведьма?» Бросился в комнату жены. Обнаружив пропажу супруги, он велел седлать коня и сам, лично, бросился в погоню.

Варла прислушалась... Дитя спало на груди... Она слезла с коня и бережно положила его на грудь листвы.

Нет, она не успеет... Отец сказал, что она принадлежит мужу, и он ничего не может поделаться... Если только.... Она выпрямилась, выхватила меч, сдернула капюшон и стала ждать. Ждать осталось недолго. Князь с криком слетел с коня и рванулся к ней.

— Отдай сына! — орал он.

Она молчала. Слишком устала, слишком много сил ушло на организацию побега... слишком много...

Варла заслонила сына и отвела руку со сверкающей сталью.

— Попробуй, возьми... — усмехнулась княгиня.

— Я не стану драться с тобой. Отдай сына и убирайся куда хочешь, ведьма. — князь

скрипнул зубами и шагнул вперед. Он едва успел подставить свой меч под удар, достойный знатного фехтовальщика. Звон стали. Глаза с поперечным зрачком. Волосы... Белые по ветру... Он явственно ощутил еще один удар, плечом. Кровь хлынула по камзолу. Она стояла перед ним с окровавленным мечем. Прекрасная, как богиня. Варла, которую он мог любить, которая могла любить его....

— Су-у-у-ка! — он рывкнул и ударил резко наотмашь. Она выбила меч из его руки и одним ловким ударом поставила на колени.

Не отрываясь она следила за ним... И тут зарыдал проснувшийся ребенок. Она резко развернулась к ребенку. Этой секунды князю хватило, чтобы целой рукой схватить меч и ударить. Одним ударом он пробил ей спину так, что лезвие меча вышло уродливым куском кровавой стали из живота. Он выдернул меч. Варла собрала последние силы и шагнула к сыну. Сдернув с ребенка крестик она швырнула его в лицо князя, а потом сняла соскальзывающими от крови руками кольцо и надела его на шею сыну. Варла едва успела застегнуть цепочку, как князь нанес еще один предательский удар, сваливший ее на землю. Одним ударом князь разрубил ее пополам. Те последние секунды, которые были отведены для Нианиесской принцессы, она посвятила сыну, рожденного от человека, который не знал ни чести, ни благородства...

— Ами...дон — выдохнула и закрыла глаза ... Князь перешагнул тело супруги и шагнул к сыну...

— Остановись! — сказал невидимый голос. Из тьмы соткались тонкие фигуры...

— Мы не станем тебя убивать. Она сама выбрала такую участь, когда согласилась стать твоей супругой. Она знала судьбу наперед, но согласилась. — перед князем стоял пепельноволосый король в легкой мантии.

— Я думал, ты ее заставил...

— Убери руки от ЕЕ сына...Иначе... — голос короля был спокойным и уставшим.

— Иначе что? — князь шагнул к ребенку.

— Иначе...и голос поглотила тьма. Когда князь очнулся, не было ни короля, ни ребенка, ни даже тела Варлы. Только блестел в в траве от утренней росы маленький крестик...

— Проклинаю... Проклинаю Вас всех....

История вторая. Король-чародей

Время лечит любые раны. Спустя двадцать лет Зимний город обзавелся крепостной стеной, полусотней новых зданий и несколькими сотнями новых жителей, король, коим себя провозгласил князь Сарин, седыми волосами и морщинами. Он успел схоронить вторую жену, обзавестись новым наследником, отрубить несколько голов, которые смели напомнить ему о первой княгине и княжиче. История, которую он по возвращению рассказал при дворе, была воистину великолепна: он скакал за княгиней, но бог ее покарал. Сумасшедшая вместе с княжичем сгинула в болоте... А на него напали дикие звери. Их он доблестно победил. Князь сделал вид, что это правда, все сделали вид, что поверили. Только рана на плече, была больше похожа на след меча, чем зубы волков или когти медведей.

Летними днями король любил сидеть в сумраке тронного зала. Таким его застала интересная новость. Начальник караула сообщил ему, что его аудиенции требует неизвестный юноша, называющий себя наследником престола. Усмехнувшись, король велел позвать наглеца.

Вошел он — гибкий, высокий, светловолосый. Когда он поднял глаза, королю

поплохело — на бледном лице горели зеленые, кошачьи глаза. Еще более поплохело королю, когда он узрел знакомый перстень... Собрав последние силы король сиплым старческим голосом спросил:

— Что ты хочешь, самозванец?

— Трон, по закону, принадлежащий мне. — юноша смотрел спокойно и холодно.

— Вооон! Самозванец! Стража, вышвырните гада, чтобы и духу его больше не было в моем городе!

— Ты носишь корону моего народа, а какая-то мразь надела корону моей матери...

— Не смей так говорить о покойной княгине Перелле! — вены на лице короля вздулись.

Стражники бросились к юноше, но тот остановил их и сказал, что уйдет сам.

Под конвоем он покинул Город. Король, чтобы лично удостовериться прошел за ним.

Выйдя за ворота, юноша остановился и произнес:

— Я объявляю тебе войну, Сариион. Но я более благороден, чем ты. Я дам тебе шанс собрать войско. До завтра. — и растворился в воздухе.

Назавтра в полном облачении войско стояло на городской стене в ожидании врага. Сам король, остался в замке. Во главе войска стоял молодой княжич Дрион. Солнце неумолимо ползло к полудню, а после клонилось к закату. Войско смеялось над неудачливым противником. Дрион заметно нервничал...

С первыми сумерками появился самозванец. Он был один.

— И где твоё войско? — смеялись на стене.

— Мне не нужно войско, чтобы занять престол, принадлежащий мне по праву. — юноша небрежно облокотился о дерево. И тут одна стрела, пущенная дрожащей рукой, со свистом рассекла воздух и собралась вонзиться в сердце родного брата. Он выставил вперед руку и стрела, словно натолкнувшись на невидимый барьер вяло отпала на землю.

Не опуская руки, он выкрикнул несколько непонятных слов и небо мгновенно потемнело. Из тучи, окрасившейся багрянцем, пошел огненный дождь. Камни с неба, наполненные огнем падали на дома, людей... По движению руки все прекратилось.

— Именем Варлы заклинаю... — начал чародей.

Но ворота открылись. Он шагнул и никем не останавливаемый прошел в замок.

Король встретил его сидящим на троне. Рядом лежал брошенный кинжал. Из сухой старческой руки вытекала толчками бурая кровь...

— Каэль... — прошептал король.

— Амидон... — поправил чародей. — Я бы мог в два счета залечить твои раны. Но ты выбрал смерть труса. Я посижу и посмотрю, как жизнь вытекает из тебя. Но в отличие от тебя, я не стану перешагивать через труп.

— Прости, прости меня... — угасающим голосом шептал король. — Я не хотел убивать твою мать... Я... Я...

— Попросишь прощение у нее. Тебе представится такая возможность. — холодным голосом проговорил Амидон, стоя над ним. Подол его серебристого плаща стелился по плитам дворца, а в открытое окно влетали жалобные крики и запах пожарища.

В тронный зал вбежал Дрион. Отшвырнув меч, он схватил отца и уткнулся в его седую голову. Корона отлетела в сторону и, сделав живописный круг, замерла в кровавой луже.

— Спаси его... Спаси... — шептал Дрион. Амидон стоял неподвижно и смотрел.

— Поздно. Я не умею воскрешать мертвых... — промолвил он и отвернулся.

— Он был и твоим отцом тоже... Я слышал ваш разговор. Я не решался войти. — Дрион убрал длинные черные волосы, прилипшие к лицу. Он был ниже и шире брата. Его доспех блестел на солнце, а черный плащ, безжизненно спадал на пол. — И что теперь?

Амидон развернулся, и Дриону показалось, что что-то блеснуло на его лице. Но резким движением он откинул голову и совершенно спокойным голосом проговорил:

— Все, что здесь произошло на моей совести. И я готов нести это до конца. Если после всего услышанного и увиденного у тебя хватит поднять из крови нашего отца корону моего народа и надеть ее — она твоя.

Дрион стоял и смотрел на белоснежный обруч в буром озере. Он развернулся и пошел к выходу.

— Стой. — в голосе Амидона звучало нечто, что заставило его остановиться и обернуться.

Тело короля исчезло, а на троне сидел Амидон, величественный и прекрасный, а на серебрянных волосах лежала окровавленная корона и кровавые струйки с нее скользили по лицу, по волосам. — У тебя был выбор. Ты благороден. Я бы не хотел, чтобы ты был моим врагом.

— У меня не хватит силы быть твоим врагом. — горестно промолвил Дрион, стараясь не смотреть на брата.

— Я дам тебе, все, чего пожелаешь... Только не уходи... Брат... — голос Амидона звучал устало.

— Хорошо... Я останусь... Только, если покойному отдадут все почести посмертно...

— Он покоится в склепе, увитый белоснежными цветами смерти... А на его груди покоится плита, прославляющая его, как великого государя. А теперь поклянись, что никогда никто из рода твоего, не наденет на себя эту корону. Ибо на нее наложено проклятие. И падет на род того, кто овладеет ею без прав на то... А правом будет кровь моя... Пусть проклятие, некогда брошенное отцом коснется того из моих потомков, кто отдаст эту корону в чужие руки.

— Ну что ж, да здравствует Амидон Кровавый! Князь... Нет, даже король. — невесело прозвучал голос младшего брата

— Да здравствует Дрион Ференс, верный вассал и брат. — печально ответил старший.

Так при дворе появилась вторая правящая династия. Жизнь Дриона Ференса была долгой. Оба брата женились. Амидон в отличие от Дриона женился лишь спустя пятьдесят лет. Очевидно, что он обладал тем даром молодости, перешедшим ему от матери. Дрион женился почти сразу. Его жена родила ему двух сыновей. Старшего он назвал в честь отца. Имя избранницы Амидона история так и не сохранило, а на портретах того времени часто изображалась волоокая женщина с темными, вьющимися волосами и белоснежной короной на голове. Она родила ему дочь. Ее назвали Мидори, путем изъятия из отцовского имени первого слога и добавление женского окончания, а спустя два года — сына — Дориан (В некоторых источниках его имя звучит как «Дорион». В мужских именах того времени ударение падало на последний слог). Дрион к тому времени уже обзавелся внуком.

Но в отличие от брата время не щадило его. И однажды, выглядевший все так же молодо, король Амидон вернулся, чтобы узнать горестную весть... Говорят он долго рыдал на теле брата, а после этого с ним стали случаться приступы безумия...

Однажды, придя в себя после очередной вспышки, он увидел чудовищную картину. Мебель была перевернута, на гобеленах наблюдались следы огня. Разбитая посуда валялась

кругом, а витражи были разбиты. Его жена, его любимая жена сидела, вжавшись в запертую дверь. Она так и не успела дотянуться до засова, когда нож, слетевший со стола настиг ее и впился прямо в горло, пригвоздив ее к двери. Увидев все это, Амидон выл и бился, словно раненный зверь, а потом осторожно поднял мертвую супругу, положил ее на ложе, а сам прошел в комнату детей. Он обнял дочь, которой на тот момент было пятнадцать, и подошел к сыну. Хрупкий мальчик поднял на него свои кошачьи глаза. Отец долго смотрел на него, потом снял перстень и надел ему на палец. А потом, ничего не объясняя, ушел. Навсегда. Говорят, он взял мертвую жену, завернул ее в плащ, и ускакал в лес. После этого его никто не видел.

Брат с сестрой долго молчали и смотрели друг на друга одинаковыми глазами. А потом сестра подошла к брату, обняла его, и прошептала сквозь слезы:

— Я была уверена, что когда-нибудь это произойдет...

История третья. Брат и сестра

Молодой король был коронован спустя несколько дней. Теперь та корона, некогда венчавшая голову его отца и деда, украшала его темные волосы.

— Тебе идет, Дориан. — улыбнулась сестра, увидев его таким впервые. Болезненный мальчик сидел на троне и смотрел тоскливыми глазами в окно.

— Ты думаешь, что он вернется... — сестра поймала его взгляд

— Нет. Он не вернется. Но я обязательно найду его... — он посмотрел на сестру. Они были почти одного роста. Оба темноволосые, узкоплечие...

— Я найду его, Мидори... Найду... Я не могу без него... Я не могу править таким королевством... — он спрятал лицо в руках.

— Неужели ты плачешь, брат. Королю не пристало плакать... Успокойся, Дори. Все будет хорошо... — она обняла брата, едва сдерживая слезы. — Помнишь, как мы придумали, что у нас с тобою одно имя — Дори... У нас одна судьба...

Король поднял глаза и улыбнулся...

— Я нашел! — молодой король слетел с седла и бежал по лестнице в сторону покоя сестры. — Открой, Мидори.

Дверь открылась и он счастливый и взволнованный, неся свежесть зимы, ввалился в дверь.

— Неужели... — ахнула девушка и подбежала к нему.

— Там... там... где был Лесной город... Теперь лишь груда развалин. Они ушли... Я сначала так расстроился... Я думал отец будет там... А потом я узнал, что остались две башни — северо-восточная и западная. Западная разрушена до основания... Но вторая почти целая... Я верю, что отец там! Сегодня я не смог... Началась метель... Завтра... Завтра... — он выглядел настолько счастливо, что у Мидори не хватило силы ему возразить. Прошло два года. Два года поиска. Два года надежды. Она знала. Раз отец ушел, то ничто не заставит его вернуться. Но брат был уверен, что он не покинул долины. Не вериться и в то, что он умер. Неужели Амидон Кровавый, покинувший их навсегда умер от голода или холода... Так или иначе но надо учиться жить без него... Нужно править государством, как это делал он...

— О, боги... О... боги... — ее бил озноб. Она никак не могла заставить себя подойти к изувеченному телу брата. Его принесли в покои. Она шла рядом, и боялась взглянуть на

кровавое месиво... Нога...Лицо... Комок тошноты подкатывал к горлу, но она мужественно держалась. Она королева... О, боги.... За что....

Он был еще жив.

— Воооон! Убирайтесь воон! — заорала Мидори на стол пившихся слуг. — Лекарь остался! Остальные воон!

Она смывала кровь с его лица, с его тела, срывала сочащуюся кровью рубашку... Кровавая маска постепенно приоткрыла страшную бледность.

Дрожащими руками она придерживала его голову, когда лекарь пытался осмотреть его раны.

— Удивительно, как он до сих пор жив... — кряхтел старик, перебирая костлявыми пальцами сухие травы из мешочка. — Вот это можно давать пить. А этим мазать, но все равно... Шансов мало...

— Шансов мало...шансов мало.... — как заклинание твердила королева. — Дори... Дори...Что случилось? А ты чего стоишь? Убирайся вон! Был бы отец, он бы в два счета...

Она застыла над изувеченным телом брата.

Ее продолжал бить озноб. А руки... Руки были такими негнушимися....

— Что делать... Что делать... — это был даже не вопрос.

Брат открыл глаза... он хотел что-то сказать но не мог — его челюсть была раздроблена.

— Дддддори, что мне делать.... — она упала на колени рядом с кроватью, но глаза брата закатились и он снова упал в забытье.

— Как это могло произойти? — королева шипела, сузив глаза.

— Король.... Король.... — начал было конюх, — но страшные глаза принцессы и пустующий трон короля не давали ему смелости выдать ни слова.

Королева встала.

— Ваше высочество, позвольте я Вам объясню....

— Я Вам слушаю, Риан Ференс. — взгляд королевы выражал уже не гнев, а безумное отчаяние.

— Король, никому ничего не сказав, взял коня из конюшни и уехал. В полдень его привез большой черный конь. Он был бережно накрыт какой-то ветошью. Как только мы увидели, мы тут же сообщили Вам...

— Конь? Что это за конь?

— Он похож на коня вашего отца. Он стоял смиренно, когда короля снимали с него, а потом стал биться... Конюх еле справился с ним. Если Вас интересует, то он стоит сейчас на месте королевского коня...

— Меня интересует сейчас только судьба моего брата... — королева смотрела пристально на гобелен, с изображением Амидона Кровавого в полном облачении.

— Это все? Я вынуждена удалиться. Все аудиенции назначенные на сегодня, завтра, послезавтра и вообщеотменяются. — королева подобрав подол платья в сопровождении слуг прошла к боковому проходу.

Перед тем, как закрыть дверь, она что-то шепнула служанке и та побежала выполнять приказ...

— Риан, Риан — всхлипывала королева на груди возлюбленного. — Что мне делать? Мое сердце не выдержит! Ты его лучший друг. Где ты был все это время?

— Ты же знаешь, Мидори, я весь день просидел в поместье своего отца. Он стал совсем стар. Он боится умереть не попросившись... Конь короля очевидно потерял рассудок. Был чем-то напуган и сбросил седока, а тот упал и... конь прошелся по нему... вот и все...

— Я не могу поверить ... — Мидори встала, накинув бархатный халат и ничего не объясняя, вышла из комнаты. Он давно привык к такому и улыбнулся...

— Ему хуже? — королева сидела у ложа и держала бледную руку брата...

— Молодой девушке вредно присутствовать при таком... — старый лекарь тер глаза от бессонной ночи.

— Я буду сидеть здесь до тех пор, пока ... — и королева умолкла.

— Агония... Мне не чем помочь ему... только облегчить боль на время... — старик, охая, сел.

— Дори... Дори... Не умирай... Дори... — она смотрела на лицо брата и ожидала чуда.

Король, услышав свое имя, открыл мутные глаза, Мидори взглянула в них и почувствовала: «Лес... Люди... Конь бьется на месте... Люди стягивают короля и... Кровь... Удар... Боль... Удар... Боль... «Ломай ему ноги!»... «Лицо!»... «Чтобы не смог говорить!»... Удар... Боль... Голос... Испуганные крики... Шум удаляющихся ног... Глаза с поперечным зрачком... Голос: «Они мертвы... Он их нашел» ... Чувство спокойствия и счастья... «Прости, у меня больше нет этой силы»... Боль... Темнота...»

Король мучился уже неделю. Уже неделю сестра сидела рядом и однажды, он посмотрел так осмысленно, а потом поднял руку, Мидори схватила ее, и прижала к груди, тонкая рука выскользнула и бессильно упала на кровать, а в руке Мидори оказалось кольцо.

«Сестра... Кольцо... Прощай...» — пронеслось у нее в голове и глаза короля закрылись навсегда.

Это было рано утром. Мидори сидела и смотрела на остывающее тело брата. А старый лекарь спал на лежанке.

«Что теперь будет... Кто будет восседать на престоле вместо него... Нужно разбудить всех и сказать... Зачем будить, если все равно узнают... Кто теперь станет королем... Кто будет править... Кто отомстит за смерть брата... Отомстить... Отомстить...» — она сидела и покачивалась, глядя в одну точку. Ее лихорадило. «Слезы... Почему я не плачу? ... Я не могу заплакать...»

Тут она встала, резко выпрямилась и подошла к лежанке.

— Вставай! — голос ее звучал ровно.

Лекарь открыл глаза и, кряхтя, начал подниматься.

— Король умер? — спросил он, бросив взгляд на кровать...

— Нет, король жив!

История четвертая: Да здравствует король!

— Она умерла... Так страдала, сердешная... Глаз не смыкала над братом... Не вынесло сердце ее молодое... Схоронили ее по тихому... А король... А король... Потихоньку, да на поправку пошел... Малость изувеченный... Доспех заказали специальный, чтобы лицо сокрыть... Там такая жуть, говорят... Да нам-то какая разница, что красивый, что урод — знай работая да плати налоги. Верно я говорю?... Ээх, да шоб тебя... — конюх, с опаской подошел к огромному коню, стоящему в стойле, его слушатели — дернулись. Конь свирепо смотрел, но ничего не предпринимал. Конюх выставил вперед руку, чтобы схватить поводья.

Рука дрожала...

— И как ты с такой животиной управляешься? — Косматый, один из тех кто принес овса и соломы из деревни, сел на тюк. — И сколько овса за день съедает?

— Он овес не ест... — конюх схватил поводья. — Он мясом питается...

Конь в ответ заржал, обнажив острые клыки...

— Да не конь это вовсе... Господи... — упал вместе с тюком косматый.

— Помнится мне, такой был у покойного Амидона... Исчадь... Стой, Исчадь... Ну все, можно седлать... Его Величество изволило выехать на охоту...

Король, прихрамывая, прошел в зал. Охота была утомительной. Он грохнулся на трон. На нем была маска, телесного цвета скрывающая лицо, из-под нее горели глаза с поперечным зрачком, зеленые, жесткие, волчьи. Коротко стриженные темные волосы, были мокрыми от пота. Под маской было жарко, но снять ее не представлялось возможности. Для верховой езды был выкован специальный доспех, с шлемом, Сапог и похожи на левой ноге были сделаны специально для того, чтобы король мог лишь изящно прихрамывать.

«Чем дольше это продолжается, тем меньше шансов найти убийц. Все так заинтересованы моим здоровьем, что поди разберись, кто из них кто. И где эта чертова башня?»

— Я устал... Трапезу пусть принесут ко мне в комнату... — голос звучал низко и глухо. Он с трудом поднялся. Слуги даже не думали, чтобы помочь ему, зная, как король не любит, чтобы к нему прикасались. Зная его нрав, можно было остаться без рабочего места, а то и без головы...

Король похромал в свои покои. Там он подождал, когда накроют стол, приказал все уйти, кроме лекаря, закрыл дверь на засов и с легкостью сел за стол. Потом он встал... от былой хромоты не осталось и следа.

— Ммм... Корсет такой тугой, не вдохнуть — не выдохнуть... Развяжи все это... — король снял маску. Под ним открылась бледная кожа, юное лицо. Вместе с короткой стрижкой это придавало ему мальчишеский вид. На лице на удивление не было ни шрама, ни даже намек на шрам. Гладкая, нежная кожа, тонкие черты лица...

— Да быстрее! — лицо исказилось мучительной гримасой нетерпения.

— Если бы я был так молод, как вы миледи, то я бы это сделал намного быстрее... — и старый лекарь мечтательно усмехнулся. — не вертите, а то порвете... Мои старые пальцы почти не слушаются меня... Все...

— Я могу вдохнуть полной грудью... — девушка села за стол и жестом пригласила лекаря занять место подле...

— Нет, ваша высочество... Слишком большая честь для меня... — старик продолжил стоять.

— Аугустин, садись... Кто же мне будет помогать, если с тобою что-то случится... — Принцесса вгрызлась в кусок оленины.

Старик сел. Уже месяц прошел, как в гробнице под именем принцессы Мидори между маленьким Амидоном Первым и Сарioniом Великим упокоился молодой король, смертельно раненный во время прогулки по лесу.

— Можно ли немного ослабить корсет впредь... А то мне трудно дышать... — королева запила ужин терпким, заморским вином.

— Я бы на вашем месте не пил бы так много вина... Это может плохо отразиться на здоровье ребенка... И верховой ездой не следует увлекаться... — лекарь потупил глаза.

— Что? — прошипела королева и глаза ее широко распахнулись. — Откуда ты знаешь?

И сколько мне остается?

— В вашей семье, молвят, ребенок рождается в годовой срок... Иногда даже больший...

— Выходит мне остается ... — королева задумчиво смотрела себе в бокал. — Без месяца год...

— Я не смею спрашивать вас об отце ребенка... — старик хмуро посмотрел на нее.

— Правильно делаешь...

— А ты можешь..... — после недолгого раздумья Мидори подняла глаза.

— Я бы не делал этого на вашем месте... После этого королевская династия прервется окончательно. Жаль, что женщины не имеют права на престол, а то бы вы заняли его по праву.

— Этот вопрос ни разу не поднимался... А тот... Кого я любила, и чьего ребенка я ношу под сердцем — тоже не имеет прав на трон.

— А он знает о... — старик закашлял

— Нет. Кроме тебя и меня об этом не знает никто... А ту служанку, которая вздумала распускать разные сплетни с неделю, как нашли мертвой. — Мидори скорбно посмотрела на ложе. То ложе. На котором умер ее брат, на котором она сейчас спит, то ложе, которое предстояло делить королю и королеве, ради законного наследника...Хм... А это выход из положения... Способ оттянуть время...

— Я женюсь! Это единственный способ продолжать скрывать обман и дальше... А теперь я утомилась, покинь меня. Что говорить — ты знаешь, «король плохо себя чувствует»...и поменьше подробностей...

Она закрыла за ним дверь и задула свечи. Каменные стены давили на нее, а во тьме бледным светом горел перстень, подаренный ей братом...

«Где ты сейчас? Где сейчас отец? Где мама? ... Я помню момент, когда сообщили о моей, якобы смерти. И под этим предлогом схоронили брата. Благо мы с ним очень похожи... Его одели в белоснежное платье, накрыли прозрачным покрывалом, увидели цветами. Так что бы не было видно ран на лице... Старик знает свое дело... Он так исправил челюсть, что никто и не догадался даже до тех пор, пока тяжелая крышка надгробия не укрыла навсегда его от людских глаз... Прости брат... Прости... Я не могла придумать ничего другого... Я должна отомстить.... Рион... Он даже не дрогнул, когда узнал... Я думала он меня любит... я долго следила за гробницей... Он ни разу не пришел...не пришел... не любит.... игра... обман...» Она закрыла голову подушкой. «А камень сверкает так красиво... все что осталось... ниточка к отцу... о, боги... почему одна ложь всегда тянет за собой другую...правильно ли я поступила?... сколько я еще смогу прикидываться... А невеста... Ей придется угрожать... Когда наконец этот клубок развяжется... Во что я втянула всех, во что я втянула себя... во что я втянула тебя...я смогу ... я сильная... теперь за двоих... Аугустин — надежный... слишком честный... но проверенный... А вдруг он скажет... не верю... но угрозами его держать нельзя...» и принцесса уснула...

— Принцесса Эвен, дочь короля Эртора Избургского... — провозгласил герольд, и невысокая светловолосая девушка с серыми тоскливыми глазами, кутающаяся в парчовый плащ шагнула по тронному залу туда, где по ее соображениям сидел ее будущий супруг... Каждый шаг давался ей с трудом... Она была уже наслышана о своем супруге... Эвен боялась поднять лицо, чтобы увидеть... Но он был в маске. Он с трудом приподнялся, чтобы

встретить ее... Гримаса жалости и ужаса искажила ее лицо, но она не могла двинуться с места. Он подошел к ней, поклонился в меру своих возможностей и дворцового этикета. Король был на голову выше ее ростом, очень тонок... говорят, что он совсем еще молод... И тут слезы поступили к горлу Эвен. Она сдерживалась, чтобы не расплакаться... за этого калеку отдал ее отец... С ним она будет делить жизнь, королевство и ложе...

— Я вижу Вы опечалены и разочарованы. — тихий голос под музыку менестреля звучал красиво и насмешливо. — Я не соответствую Вашим ожиданиям?

— Нет, что Вы... Я послушна отцовской воле... Мой отец никогда не пожелал бы мне зла. Все, что он делает — все во благо государства. Этот союз принесет множество долгих и счастливых (на этом слове ее голос предательски дрогнул) лет процветания обоим королевствам. — она прочитала наизусть заученную в дороге фразу.

— Замечательно. — сказал король и помог (это кто кому еще помог) взойти королеве на престол. А потом был обряд венчания, и на светлые волосы королевы легла белоснежная корона. В соборе было очень душно... Королева стояла из последних сил... Король, по видимому тоже... Однажды он предательски покачнулся, но королева еще сильнее сжала его тонкую белую руку, поддерживая его изо все сил... А потом был пир... Чете, согласно обычаям желали много чего. Эти пожелания вгоняли в краску королеву и ни вызывали эмоций у короля. На половине праздника чета поднялась, король, подал руку королеве и они удалились... Праздник продолжался.

— Как он мог! Как он мог! — рыдала королева, уткнувшись в подушку в отдельных от королевских покоях, пока служанка наполняла чан горячей водой.

— Миледи разочарована? Король не оказал ей должного внимания? — служанка подняла последнее ведро кипятка и запрокинула за бортик. Пар ударил вверх.

— Ты сделала свою работу? А теперь удались. Я позову тебя, когда необходимо будет одеться.

И королева, скинув кружевное облачение села в горячую воду... Она любила именно горячую воду, а не едва теплую.

«Он меня бросил... Поцеловал руку и пожелал доброй ночи... Почему?... Он чего-то боится? Он думает, что когда я увижу его без маски я... Испугаюсь... Неужели все так страшно?... Господи, за кого меня выдали замуж... Проклятое королевство, проклятый король... Интересно, а они здесь моются?»

— Вы сегодня были на высоте. — лекарь вновь помог расшнуровать корсет...

— Вы тоже, затяни его еще туже я бы не выдержала... В соборе было настолько жарко, что я едва не потеряла сознание... А она... Королева... Меня поддержала...

Бедная девочка... Она еще не знает, во что впуталась... — Мидори легла на кровать...

— А когда вы намерены сказать ей об этом?

— Я знаю, что тянуть времени нет, но ... Мне так неприятно ей лгать... Сказать ей правду — значит убить ... У меня появилась надежда... Но этой надежде придется угрожать... Мне что-то совсем плохо... Но это как-то необычно...

Она села.

— Что вы ели на пиру? — морщинистое лицо лекаря выражало искреннюю тревогу.

— Ничего... нет, почти ничего... Я пила... вино из королевского кубка... Сделала глоток... Холодного вина... Меня сейчас стошнит... Где горшок... Там мог быть яд...

— Вполне возможно... Но причина вашей дурноты не в этом... Ребенок... А впредь, будьте осторожны...

Королевна, свесившись с кровати стошнила в ночной горшок.

— Миледи, вы бы могли на пол... За вами ведь приберут...

— Я не хочу никого звать, для этого необходимо одеваться, да и необходимо соблюдать осторожность. Фу! Были бы волосы длинней, я бы ими это все и подмела. А так — она взъерошила короткую стрижку на голове...

После паузы она продолжила:

— Завтра я постараюсь рассказать ей правду, а иначе своим незнанием она породит множество тем для дискуссий за моей спиной.

Но ни завтра, ни послезавтра ничего не случилось. Королева ходила подавленной. Король был вежлив и сух.

— А чей это портрет? — спросила скучающая королева у одной из служанок, глядя на портрет бледной темноволосой женщины с выразительными чертами лица и зелеными глазами.

— Это сестра нашего короля. Она недавно скончалась... Бедная девочка... Вы сейчас живете в ее покоях...

— А портрет короля где-нибудь есть? — спросила она разглядывая черты молодой девушки.

— Нет. Король приказал снять все свои портреты после... Они ему напоминали о... Но, говорят, они с сестрой очень похожи...

— Значит, он был красив.... — печально вздохнула королева.

— Рион, что вы здесь делаете? — спросил король, застав получасом позже у того же портрета своего друга.

— Смотрю на ее портрет и думаю о том, что она так и не стала моей женой, Ваше величество...

— Неужели вы об этом жалеете? — вопрос был задан с плохо скрываемым любопытством.

— И да, и нет... — в голосе Ференса звучало что-то похожее на тоску. — Она была слишком хороша для меня. Да и мысль породниться с королевским родом — меня, конечно, прельщала. Но я избрал себе иную стезю...

Немного помолчав, он продолжил:

— Я хотел попросить Вашего благословения на свой брак с одной милой девушкой из знатного рода... Мой отец изъявил желание, чтобы я женился до его смерти. Он рассчитывает на внуков...

— Благословляю... — голос был глух и эмоции короля прочитать было трудно.

— Благодарю! Я так люблю ее! Она прекрасна! Я обещаю, что внука мы назовем в честь Вас, Дориан!

И король покинул этот коридор, бросив последний взгляд на портрет ... Он вошел в тронный зал. Королева уже был там, и слушала менестреля...

Начало песни, очевидно, было пропущено, но короля привлек странный напев. Она сел и попытался вникнуть в смысл песни, которая так нравилась королеве...

Когда я впервые увидел тебя,
То сердце мое забилося неверно...
Как можно прожить жизнь тебя не любя?
как можно прожить, Расскажи, королева...

Под сонным балконом струны моей звон.
Тебя я пою, но песнь моя брэнна...
Но все же она не встревожит твой сон.
Заснешь ты с улыбкой, моя королева...

И будет прекрасна и звездна та ночь,
Я петь тебе буду всю ночь незабвенно.
И сладок твой сон, королевская дочь,
И дивные сны у моей королевы...

И стража дворца, здесь в тени миндаля.
Меня вместе с лютней возьмет непременно.
Предстану под очи отца-короля...
И песнь о тебе пропою, королева.

И хлопнет в ладоши от счастья король.
И скажет он мне, что давно так не пели...
— А ты, милый мальчик, отныне, изволь,
остаться при славном дворе менестрелем.

И будет король очень добр ко мне,
Меня будут слушать и есть будут ленно...
И тонут слова в крепком, красном вине.
Но ты будешь рядом, моя королева...

И дрогнет твой взгляд под смолою ресниц...
А губы едва прикоснуться к вину.
— Ах, мой менестрель, ты сегодня как принц...
Поддай этот кубок отцу моему.

И я околдованный взглядом тех глаз,
Смотрю на тебя, а ты несравненна.
С улыбкой выполню странный приказ...
Ведь ты попросила, моя королева...

В разгаре веселья ты манишь рукой,
Твой лик, как икона, мной благословенна.
И я как собака пойду за тобой,
Куда б не вела ты, моя королева ...

Захлопнув за мной в свою комнату дверь,
Не дрогнули в окнах в зарницах рассвета...
Сказала: — Ты мне послужил, менестрель...
Скажи мне, что хочешь, я выполню это...

— Чего ты молчишь, ну, хотя бы пропой...
Или боишься пред знатною девой?
Раскрою я тайну сейчас пред тобой...
Ведь завтра проснусь я уже королевой.

Но разве, мой принц, за меня ты не рад?
Ты так изящно поднес этот кубок...
А в нем самый страшный, мучительный яд
— И в нежной улыбке сомкнула ты губы...

Я в сторону солнца скачу резво прочь.
Я не держу на любимую гнева...
Спит на плече, королевская дочь,
Спит и не дышит, моя королева....

Раньше за такое можно было бы лишиться головы. Петть такие песни о дворцовых интригах перед носом короля и королевы... Но в глазах королевы стояли слезы... Королева обратила омраченный взор на короля... И сердце под маской сжалось от нежности. Она была так мила, так трогательна, как ребенок...

«Я не могу больше смотреть на нее, — думала Мидори, — Господи, что я затеяла...»

И король встал и прошел в свои покои. Там он долго сидел в ожидании лекаря. Но время шло, а знакомого стука не раздавалось...

Сердце бешено колотилось

«Неужели... предал... предал...»

Король позвал стражу. Страже было поручено найти королевского лекаря Аугустина и привести тот час к королю. Старика нашли. С кинжалом под ребром. Он лежал аккуратно прислоненный к гобелену в нескольких шагах от портрета.

«Интересно, что он успел рассказать перед смертью... Его убили вскоре после моего разговора с Флорианом... Почему столько навалилось в один день... Чувствую, теперь пришло время посвятить во все это Королеву...Одна я корсет не расшнурую...»

— Кто там? — королева Эвен принимала каждодневную горячую ванну. Служанки про такое охали и ахали, что слишком много воды переводит, что никакого здоровья от этого не будет, наоборот — один вред... Вон король — моется редко, а эта каждый день...

Дверь открылась, и на пороге появился король. Он захлопнул дверь и, молча, закрыл дверь на ключ.

«Откуда у него ключ от этой комнаты... Что ему от меня надо...Я не одета...»

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вставай, одевайся... — он сказал это резко и четко.

— Я сейчас позову служанку, она меня оденет...

Король схватил исподнее и подал ей... А сам сел на кровать.

— Обойдемся без служанок... — голос короля изменился. Он стал более высоким. Как у мальчишки...

— А теперь слушай и смотри внимательно. От этого зависит твоя и моя судьба... — И король изящным движением снял маску. Она открыла красивое, бледное лицо, без единого шрама...

Королева замерла в восхищении. Для юноши он был очень красив...

— Рано радуешься, — мрачно продолжил король и расстегнул камзол. Уже почти одетая королева увидела что-то наподобие корсета...

— Расшнуруй! — голос уже приказывал...

И королева стала послушно его расшнуровывать сзади. Корсет открывал гладкую кожу и изящные изгибы женского... ЖЕНСКОГО... тела.

И уже через минуту друг на друга смотрели две полуодетые женщины. Одна из них раскрыла рот, чтобы крикнуть, но вторая закрыла его и приставила к горлу возникший из ниоткуда стилет.

— У тебя есть выбор: либо ты умрешь сейчас самой позорной смертью, либо выслушаешь и проникнешься моим задумом. От него зависит и твоя жизнь и моя. Но твоя больше, потому, как стоит тебе рассказать, что ты видела, я найду тебя раньше, чем возмездие меня. Меня зовут Мидори. Я сестра ныне покойного короля, за которого себя выдала, чтобы найти его убийц. Мне нужно только две вещи — время и поддержка в одном спектакле. У королевской четы родится ребенок. Но родишь его не ты, а я... После осуществления задуманного я уйду со сцены... А королевство оставлю тебе и моему ребенку, который родиться уже через девять месяцев. Только он будет иметь право на престол. О том, как обезопасить его от козней мачехи, я тебя посвящать не буду.

— И ради этого ты пошла на преступление: похоронила короля под чужим именем, обвенчалась в церкви с женщиной, узурпировала престол — все ради мести и ребенка? — глаза королевы раскрылись от ужаса. Она присел на край кровати.

— Что значит, узурпировала престол? Он по праву принадлежит моей семье, но после смерти короля женщина наследовать его не могла... законно... — принцесса надела ночную рубашку, прихваченную с собой и тоже села рядом, но стилет не убрала из рук.

— Мидори, так, кажется, тебя зовут? Как же Бог посмотрит на все твои грехи после смерти? Насмешка над христианскими традициями? — королева следила за стилетом в руках принцессы.

— Мой род издревле поклоняется другим богам. Они никакого отношения к твоему Богу не имеют. И если Ваш Бог такой справедливый, почему он оставил меня одну? Отнял всех, кого я любила и знала?

И тут она увидела перед собой лицо возлюбленного, который говорил, что любит другую. И на нечеловеческих глазах навернулись слезы...

Королева пристально смотрела на кинжал. А потом перевела взгляд на лицо принцессы, и что-то сжалось в груди.

«Если она говорит правду. То должно быть она очень несчастна... настолько, что смогла пойти на такое...»

И королева с опаской прикоснулась к руке принцессы и нежно погладила. Та не дернулась.

— Прости, слишком много мне пришлось пережить... — стилет выпал на пушистый ковер. — Мой план не без изъяна, но это единственное, что я смогла придумать. Главное

продержаться до рождения дитя...

— Так ты беременна? — невинный вопрос королевы вызвал недоумение принцессы.

— Уже три месяца... Пока не видно... Но у нас в семье все как-то по особенному. Мне еще девять месяцев, может чуть меньше... — принцесса опустила взгляд на живот и обняла его руками...

— А что потом? Ты родишь и ...

— Поселюсь где-нибудь. А потом увижу коронацию моего сына, благо даже тогда я буду выглядеть его ровесницей. У нас в семье все по особенному... — и она грустно улыбнулась. — А ты будешь править сначала, как королева-мать, а потом будешь доживать свой век при дворе сына. Я думаю, у тебя хватит ума не рассказать ему о настоящей матери?

— Шутишь? ... А потом она подумала и спросила, — а что случится, если обман раскроется не по моей и не по твоей вине?

Принцесса задумалась и ответила:

— Плаха, четвертование, монастырь.... Нет, скорей всего так: мне первые два — тебе последнее.

Королева побледнела и зажала рукой рот сама себе...

— Неужели в монастыре так плохо? Там ты сможешь остаться наедине с Богом... Отмолить и твои и мои грехи... — невеселая усмешка скользнула по губам принцессы.

— Я не за себя... я за тебя... испугалась... Ты на ночь останешься тут?

— Нет, я буду бегать с корсетом в руках за тобою по всему замку, что бы ты мне его зашнуровала, королева? — глаза Мидори сверкнули.

— Прости, но я хочу побыть одной... Я утром приду к тебе... Помогу... Только называй меня Эвен... А то звучит насмешливо — королева есть — короля нет... — королева в рассеянности пробежала взглядом по комнате.

— Покойной ночи... — и Мидори выскользнула из комнаты.

— Покойной... — эхом повторила Эвен

Как только дверь захлопнулась, Эвен тихо сползла на пушистый ковер... Она села, прислонившись к кровати...

«Королева... Принцесса... Король, который принцесса... Ложь... За которую пострадают все... Игра... Опасная игра... А что если сразу... НЕ участвуя во всем этом... Неплохая идея... И она нащупала в ворсе ковра стилет ... Вода еще остыла...»

Мидори прошла в свою комнату не без приключений... Она натолкнулась на задремавшего стражника... Когда он увидел ту, которую схоронили три месяца назад да еще и в белом в конце темного коридора, то он, так не по-мужски....

А наутро появилась легенда, что мертвая принцесса ночами разгуливает по замку.

Мидори сама бы испугалась, но за последнее время она устала бояться. Она закрылась, легла на кровать и уснула. Без раздумий и сновидений...

— Наутро Мидори разбудил стук в дверь. Она села на кровати и спросила.

— Доброе утро, Ваше величество... — ответил женский голос...

Мидори подошла к двери и замерла... «Вдруг за ней стоит вся дворцовая стража готовая меня арестовать... Открыть или нет?»

— Мидори, открой... — добавил голос совсем шепотом...

Она взяла маску и надела ее на себя. А потом натянула камзол. И с мыслью «Будь, что

будет!» — открыла.

Королева стояла одна. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы она смогла пройти и тут же закрылась...

— Ты вчера забыла... — Эвен протянула ей стилет.

— Я вчера оставила... Чтобы у тебя был выбор... — Мидори прошла к окну.

— Я им не воспользовалась, значит я свой выбор сделала... — голос ее звучал так пафосно, что Мидори хихикнула.

— А теперь помоги, как и обещала... Только не слишком туго...

Королева играла свою роль превосходно... Благо женские наряды того времени не требовали ухищрений для имитации беременности. Ничего незаурядного в государственных делах не было. Значит необходимо вплотную заняться отмщением. До родов по ее подсчетам оставалось не больше месяца... корсет был ослаблен до предела. Слава богу, при дворе была введена мода на просторную одежду, а живот Мидори был не настолько большим, чтобы его трудно было скрыть...

«Кто это мог бы сделать? Кто посягнул на престол? Если верить брату, то отец живет в одной из уцелевшей башне... Я ее искала... но не нашла... Как узнать... Конь! Конь! Отцовский конь помнит дорогу туда! Если не править им, то он, вполне возможно, вернется.»

— Седлайте коня! Я выезжаю на прогулку! — приказал король.

— Я с Вами, Ваше Величество! — радостно воскликнула королева.

— Нет, Вам вредна конная езда... Это может повредить здоровью будущего наследника престола. — король выразительно сузил глаза и королева опустила голову.

— Но, мне здесь так скучно... — королева улыбнулась.

— Тогда позовите менестрелей. Вы можете осуществить пешую прогулку по королевскому саду... — король встал и направился к двери.

— Тогда будьте осторожны... Ваше величество... — в голосе королевы звучала искренняя тревога.

— Не беспокойтесь... — король в сопровождении свиты вышел из зала...

— Позвольте я с Вами, милорд... — Риан шагнул к королю.

— У меня нет причин тебе отказывать....

Осенний лес был великолепен... Где-то под ногами коней играли серые тени... Это лесные духи. Они умеют вселяться в мелких зверюшек. Тогда даже у самого милого кролика проявляются кровожадные инстинкты. Но бедняга не знает, что обречен. Дух высосет его изнутри... И зверек умрет раньше обычного... А сейчас они любовались предзимним солнцем, проникающим сквозь золотистые кроны деревьев. А потом забьются с холодами в норки и щели и будут мечтать о деревенском эле. О том, как проникая в жилище людей, они слизывали янтарные капли со стенок бочки. Некоторые из них так и остаются в жилищах и защищают его от непрошенных гостей...

Но перед королевским кортежем они бесследно исчезали в опавшей листве... Королю было неудобно ехать на коне. Но замечательные пейзажи с лихвой компенсировали все неудобства. Вот она дорога к сердцу леса. От Зимнего города она располагалась в лигах сорока... Плиты... Руины... опавшие листья...

«Красиво и печально.... Это был домом моего народа... Их кровь течет в моих жилах...

Хорошо это или плохо?... Но я не чувствую себя, как дома... Тревога... тревога нарастает... Что — то не так, я чувствую. Буря приближается... Буря...» Мидори подняла глаза на небо. Оно было ясным и чистым... Стражники в шлемах ехали рядом. Риан ехал справа и то же задумчиво молчал. Конь шел сам выбирая дорогу. Иногда он злобно смотрел в сторону и фыркал... Лес густел... Все остановились...

— Ваше Величество, я разведу дорогу, а потом вернусь... Побудьте здесь... — Ференс, развернул коня и ускакал в чашу...

Конь упрямо тянул и король ослабил поводья... И конь пошел... И тут, в нежном ореоле деревьев, словно туманное видение встала нетронутая башня... Белоснежный камень порос дикими растениями... Король спешил... Он шагнул к башне, но плиты вели не к входу, а к цельному камню... Он обошел ее и не нашел ничего, чтобы напоминало вход. Он собирался коснуться руками стены, как вдруг что-то заставило его резко обернуться.

— Два раза допускать одну и ту же ошибку — так неразумно, Дориан... Башня пуста уже давным-давно... А ты, как одержимый все едешь и едешь один в непролазную чашу... — один из стражников усмехнулся под тяжестью шлема. Остальные сидели неподвижно. — Ты даже не удосужился взять оружие с собою... Если память о прошлом, так не дает тебе покоя, то почему бы тебе не присоединиться к нему...

«От страха у Мидори что-то резко схватило внутри... Неужели...»

— Кто Вас послал? — король прижался спиной к холодному мрамору....

— Зачем нас посылать? Мы сами пришли.

— Что тебе нужно? — голос у Мидори дрожал...

— Твоя жизнь. — голос был не знаком...

— Стойте. Подождите. — красивый голос откуда-то слева. Сними маску король, я хочу посмотреть на твои шрамы...

— Нееееет! — и Мидори поплотней, прижала ее к лицу.

— Взять его! — раздалась команда.

И тут, неизвестно откуда взявшийся черный конь, встал на дыбы, заслонив хозяина. Враги метнулись к нему, но конь повел себя как-то странно: он настиг первого попавшегося убийцу. Сверкнули клыки, из из окровавленной пасти коня скатилась как качан капусты оторванная голова. Это было только начало.

В глазах Мидори все слилось в кровавое месиво. И она, сползла вниз по стенке, корчась от невыносимой боли внизу живота. Жадно ловя воздух, она всеми силами пыталась удержать сознание. Пахло ржавчиной. Нет — кровью... Она сорвала маску. Она не давала ей дышать. И ловя затухающим взглядом кровавое действо, она выхватила только одно изумленное лицо — лицо убийцы ее брата, лицо человека, которого любила, лицо отца ее ребенка. Он во весь дух мчался в лес. Все пропало! Конь бросился в погоню. Набрав воздуха в грудь, Мидори отчаянно крикнула: «Нееееет!» Она пощадила убийцу.

Конь, как ни в чем, ни бывало, стал приближаться к ней, тяжело дыша окровавленной пастью. Мидори охнула и тут в забытьи, задыхаясь от толчкообразной боли, она рвала до кровавых ран на руках пучки травы. И когда она поняла, что больше не может — она закрыла глаза.

— Ты у меня сильная девочка... Держись! — кто-то ласково гладил ее лицо прохладной рукой, прогоняя боль.

— Мама... — прошептала Мидори.

— Давай, потерпи! Ты из великого рода! Не опозорь мое имя! — грубый голос отца

придал ей силы.

— Не торопись, у тебя будет время... Мы сможем подарить его тебе.... — нежно сказал брат.

— Дори, прости, что я так поступила... — из мутных глаз потекли слезы.

— Не думай об этом.... — брат коснулся ее лба губами. — твой сын, рожденный во крови — твоя любовь рожденная муками.... Перстень... Помни... — голос стал угасающим, а боль все реальнее.

— Побудьте со мной.... Пожалуйста.... Еще немножечко... — она всхлипывала и превозмогала тупую, раздирающую боль. — Где вы?... Где же вы?...

И она очнулась. Все так же ярко светило полуденное солнце. Все так же пасся рядом конь, все так же лежали коченеющие тела, только боль была тупой и еле слышной, призрачной. Рядом, завернутый в плащ лежал ребенок. Его глаза были закрыты — он спал. Мидори попыталась встать — и, о чудо, у нее это получилось. Ничто не шелохнулось в воздухе, и в лесу стояла непривычная гнетущая тишина. Конь подошел к ней и присел. Она села по-дамски и подняла сорванную маску и ребенка поскакала по неживому лесу. Только когда она подъехала к воротам замка она почувствовала дуновение ветра. Ее пропустили, и она, пряча драгоценный сверток, прошла в покои королевы, ничего не объясняя, куда делся эскорт, и не давая слугам позаботиться о себе.

«Они молчат, пока ничего не случилось. Но это пока».

Дверь распахнулась, и Эвен, увидев грязный наряд Мидори, ахнула и села. Щелкнул замок. Слетела маска.

— Боже мой, какой он маленький. Какая прелесть. — зашебетала Эвен, разглядывая дитя.

— Слушай. — Мидори оперлась на косяк. — Время ни ждет. Тут, — она выволокла из тайника суму, — деньги, еда и все необходимое. Плащ возьми мой. Твой не подойдет, он светлый. Мы сейчас спустимся тайным ходом за северную башню, и скачи во весь отпор. Главное достигнуть перевала. Здесь оставаться нельзя.

— Ччччто случилось? — королева побледнела, и голос ее предательски задрожал...

— Через четверть часа обман раскроется. Но у тебя будет время. Я возьму их на себя. Пошли, я тебе все покажу.

И две женщины, осторожно спускались вниз по истлевшим ступеням.

— Вот мой конь. Он домчит тебя. Он будет твоим защитником. Возьми ребенка... Нет, подожди... — и она посмотрел на сына, словно хотела запомнить его. — У тебя есть цепочка? Сними ее, пожалуйста. Вот. — и она надела кольцо на шею сына, застегнула цепочку и поцеловала сморщенный лобик ребенка.

— У него будут темные волосы, как у мамы... — со слезами сказала Эвен.

— Скачи, и помни уговор. Прощай, — и Мидори коснулась ее губ, — я люблю тебя....

— Я тебя тоже... На столике в шкатулке... то, что может пригодиться. Я привезла его для себя, на случай, если король окажется еще страшнее, чем я предполагала... — и всадница никем не замеченная отъехала от замка.

Мидори поднялась в свою бывшую комнату и вытряхнула содержимое шкатулки на кровать. Среди драгоценностей был маленький пузырек с прозрачной жидкостью. Она стряхнула все с покрывала и легла, сжимая его в руке. Она могла умереть сейчас, но тогда она не сможет осуществить задуманное. Она так устала. Через полчаса слышались многочисленные шаги, и грубый голос заорал:

— Выходите, ваше величество, иначе мы выломаем дверь.

Мидори встала и повернула ключ, нацепив маску, и проглотив содержимое пузырька. Пусть последний спектакль удастся на славу. Толпа окружила ее, и она увидела знакомое лицо, перепачканное кровью и грязью.

— Сними маску! — приказал Риан.

Мидори неторопливо поднесла руку к лицу и плавно сдернула, обнажив мертвенную бледность. Все ахнули, кто-то выругался. Риан стоял, не зная, что делать.

— У меня есть последнее желание, — и Мидори приблизилась к нему и поцеловала в губы долгим поцелуем, чтобы яд успел пропитать и его. Оторвавшись, она улыбнулась и пала бездыханной.

— Сука!!! — заорал Риан, но его яд уже начал действовать. Его тело грохнулось на пол рядом, лицом в мраморные плиты.

А где-то далеко конь уносил вперед, женщину с закутанным в плащ ребенком. Другая женщина, в большом доме нянчила малютку, рожденного от убийцы.

Так закончилась история, ставшая началом другой.

Кровь. Ветер. Сталь.

— Не верьте песням и сказкам, там все было не так. Уверяю вас, в жизни все гораздо сложнее. Счастливых концов не бывает, чтобы ты не говорила, златкудряя.

— Бывает. Не так часто, как хотелось бы, но бывает. И не спорь, черноокая. Мне виднее. Не сейчас, так позже...

— Конец всегда один. Смерть.

— Но есть вещи, которые сильнее смерти. Намного сильнее смерти. Любовь, например. Истинная. Я не говорю о чувствах, которые вспыхнули и молниеносно погасли. Я говорю о ЛЮБВИ. Тебе не понять, черноокая.

— Так же как и тебе не понять, о истинной сути смерти, златокудряя. Эту историю расскажу я. Я была там и все видела.

— Я тоже была там, черноокая. Я была там задолго до твоего появления. Я была там от начала и до конца.

— Твой рассказ будет далек от истины. Ему будет не хватать реализма. Оставь свои сказочки бардам. Пусть они приукрашают действительность, златокудряя.

— Оставь свой реализм. В жизни и так не хватает мечты, черноокая...

Пока они спорят, эту историю расскажу я. Ибо я была там от начала до конца. Я всегда была с ними. Я всегда была среди них. Я помню все лица и имена. От первого вздоха и до последнего.

После того, как улегся шум вокруг принцессы-узурпатора. Трон переходил из рук в руки, пока не остановился на Старом Эдварде. Сколько все его помнили — он был старым и молчаливым. Да, Эдвард Ференс, был неплохим человеком. Он не делал для страны ничего хорошего, но и плохого тоже. Жизнь текла размеренно и скучно, с тех пор, как его родной брат, Дорвард Ференс, был помпезно выставлен за пределы дворца, с огромными откупными. Он построил себе дом в центре города и жил там в свое удовольствие, тихо проклиная своего брата. За несколько лет он умудрился спустить все, что получил взамен престола. Остался старый дом, да горстка земель, приносящих ему небольшую ренту. Всю

свою долгую жизнь он плел интриги, а напоследок, решил заняться (О, Боги!), коммерцией. Но коммерсант из него был не лучше интригана, что значительно подорвало его финансовое состояние. Его жена была из бедных, но очень родовитых дворянок, (Она была навязана ему в качестве важного политического шага), умерла при родах. Потеряв много крови, она явила свету хилого ребенка.

— Маринэ... Маринэ... — успела попросить она, пока служанка ходила за ребенком, она скончалась. Назвала она так ребенка или в бреду ей что-то примерещилось, кто знает, но имя оказалось подходящим.

— У вас, дочь, милорд. — сказала служанка, теребя передник. Дорвад любил, когда к нему обращаются, как к монарху.

— Не ври, старая карга. У меня не может быть дочери. Сын. У меня сын... — Дорвард сидел, на потертом кресле и перебирал содержимое шкатулки.

— Но, милорд... — глаза служанки загорелись, видя такое богатство.

Дорвард Ференс проследил ее взгляд, недовольно хмыкнул и закрыл шкатулку.

— Передай жене, что она меня разочаровала. — его руки, похожие на куриные лапы, терли узор на резной крышке.

— Госпожа скончалась. — служанка смотрела на него с нескрываемой неприязнью. Дорварда ненавидели все. Он был скуп и жесток.

— Принесите мне моего сына.

— Дочь... — тихо сказал служанка.

— Мне не нужно это отродье! Где мой сын?! — заорал он не своим голосом.

Служанка бросилась в комнату, где лежал, закутанный младенец и принесла его отцу.

— Маринэ, сударь... Так хотела госпожа... — сказала она, протягивая сверток.

— Убери его от меня подальше. — на его лице было отвращение. Ондохнул на служанку вонью гниющих зубов. Ребенок, услышав громкие голоса, заплакал.

— Заткни его! И найди няньку. Да убери его! Живо!

Дорвард сидел в кресле и думал. Думал о том, как рушатся его надежды на престол. Может девочку замуж отдать? А потом внук. Внук может занять престол. У Старого Эда детей нет. Официально — нет. А там не знаю... А внук... Внук — это потом. А сейчас нужно найти няньку. Да подешевле.

— Магрет, сударь. — полная, с ярким румянцем, немолодая женщина мялась на пороге, словно боясь, что ее прогонят.

— Сколько хочешь за работу? — старик сидел в кресле, положив тонкие руки на подлокотник.

— Три серебряных в месяц. — ее голодные глаза смотрели на Дорварда умоляюще.

— Один серебрянный. — буркнул он,

— Но, сударь...

И тут в открытую дверь послышался надрывный детский плач.

— Два. Только заткни ее! — поморщился Дорвард, отворачиваясь в сторону шкатулки. Он прикинул, во сколько обойдется воспитание дочери, и настроение его сразу испортилось.

— Ну, милая, успокойся... ты же у нас красивая девочка. — приговаривала нянька баюкая дитя.

— Он ни разу к ней не подошел... — полусшепотом бубнила служанка няньке. — Да и к

жене он плохо относился. Ни разу госпожа от него ни подарочка не получала. Да и денег он ей не давал. Слава Богу, отмучалась, сердешная. А она все терпела.

— Да. Он — отвратительный, вонючий старикан.

— Тише... Тише... Старикан, но слух у него отменный. А ходит он почти бесшумно.

— Тише... кхе...кхе... Тише... Малютка. Она на него ни капли не похожа. Как ее зовут?

— Маринэ...

— Маринэ... Рожденная в крови... Ой, намучается она в жизни... Намучается... кхе...

кхе...

— Няня! Что с тобой? — маленькая девочка, девочка отложила крестьянскую куклу из соломы и тряпья. Нянька сама соорудила ее для малышки. Больше игрушек у нее не было.

— Ничего... Кхе... — быстро проговорила нянька, пряча окровавленную тряпку. — Ничего...

— Девочка никуда не годиться. — сказал учитель фехтования. — Кисть у нее нежная, надо сказать, слабая... Тут и тренировки не помогут. Зачем, надо сказать, вам учить ее фехтовать. Пусть шьет... Вышивает... Да ждет своего суженного...

— Учи. Зря я тебе плачу? Нет сына — я сделаю из нее сына. Пусть не вздумает эти бабские тряпки одевать. Передай ей. — Дорвард, встал, не без труда.

— Сын. Иди сюда. — просипел он.

Из-за дверей появился худенький подросток с длинными каштановыми волосами. Он, молча, разминал кисть.

— Я не хочу тебя видеть до тех пор, пока ты не научишься владеть мечом. Убирайтесь вон! Оба! Магрет!

— Господин звал меня?

— А ты что, оглохла? Не вздумай больше его наряжать в тряпки-юбки. И остриги ему волосы.

— Но...

— Чтобы завтра эти патлы не висели. Понятно!

— Нянечка... Не надо... Прощу тебя... Не надо... Они красивые... Не надо стричь... — девушка плакала навзрыд, перебирая волосы.

— Прости. Хозяин приказал... — нянька сама чуть не плакала.

— Я не хочу больше учиться владеть мечом... Мне больно... Он деревянный... По рукам... — всхлипывала она, закатывая рукава, показывая огромные синяки.

— Надо милая, надо. Не каждая женщина сможет себя защитить. Будешь тренироваться — сможешь. Время сейчас неспокойное. Война, понимаешь грядет. А бабы всегда беззащитны, когда мужики воевать уходят. А потом приходит твой, а ты уже двоих нянчишь. Что, навоевался? Гляди, что тебе враги в подарок оставили. Бывало, забьет их по-тихому. А бывало и оставит. В хозяйстве лишних рук не бывает.

— Как так получается? — в миндалевидных карих глазах девушки скользило удивление.

— Рано тебе еще знать. Есть дети по любви. А есть бастарды. Вот выдаст тебя отец замуж за какого-нибудь рыцаря, такого как он сам. Вот хлебнешь горя. Всю жизнь, поди, с нелюбимым мучиться. Кхе...кхе... хеее..... Плохо мне... Пойду, прилягу. — и старушка, охая, побрела в свою каморку. — Завтра остригу...

Маринэ сидела в кресле, поджав ноги. В библиотеке отца она читала много книг. О любви. О войне. О рыцарях. О королях. Об Амидоне Кровавом, великом короле, который жил давным-давно. О принцессе — короле... Это было словно сказка... Она была мужественной и смелой. Она была сильной. Я не смогу быть такой сильной... Кхе... Кхе... Не смогу.

В тот день шел снег. Маринэ редко выходила на улицу, поэтому не знала, что бывает так холодно. Дуя на зябкие пальцы, она брела по городу. В тот день, когда умерла няня, жить в доме отца стало невозможно. Няня так и не успела остричь ей волосы, в ту ночь. Поэтому с утра за дело взялся отец. Ножницы не хотели резать, а Маринэ вырывалась. То, что осталось — едва доставало до плеч.

— Эй, паренек, живее. Не хочешь повоевать? Скоро войско врага будет у самых ворот. — кричал какой-то мужчина, хватая Маринэ за рукав.

— Нет, спасибо. — испуганно проговорила Маринэ, пятясь к стене, пытаясь вырваться из цепких рук рекрутеров.

— Что, к мамочке захотел? Слабак!

— Мама умерла.

— Так пойдешь, отомсти за нее. У нас приказ — всех, кто старше ребятенка, младше старика — на защиту города. Пиши здесь. Меч тебе дадут там. — мужчина указал рукой на арсенал. У арсенала толпились угрюмые будущие защитники.

— Эх, плохо сбалансирован. — жаловался кто-то хриплым голосом. В руки Маринэ дали меч. Он был непомерно тяжелым и некрасивым. Она испуганно озиралась по сторонам. И тут из толпы раздался крик.

— Ха, поглядите, наемник. За деньги, значит, воюет. Мы вот защищаем за просто так, а он за деньги.

— Слышь, наемник, много получил? — голос был почти ребяческий.

Маринэ подошла поближе, встав в узком переулке, и увидела высокого мужчину в черном дорогом плаще. Волосы у мужчины были длинные, темные, и красиво сплетены серебристой тесьмой. Лицо у него было бледное. На лице красовалась неприятная усмешка.

— Пошли к черту, идейные. — медленно растягивая слова, он двинулся по улице в сторону Главной Башни, прямо на Маринэ. Она стояла и смотрела, как зачарованная на то как его плащ плавно скользил по по ветру при ходьбе.

— С дороги. — грубо сказал он ей, глядя в глаза Маринэ. Глаза у него были желто-зеленые. А внешний угол глаз был опущен вниз, что придавало его лицу скорбное выражение. Его лицо напоминало лица древних королей, которых еще рисуют на гравюрах. Он приблизился еще и она увидела, что глаза у него не похожи на обычные, человеческие. Что-то в них было не то.

— С дороги, мальчишка. — сказал он, скривив губы.

— Проходи, наемник. — тихо сказала Маринэ и прошла вперед, уступая ему дорогу. Было что-то в этом слове оскорбительное для нее, девочки, начитавшейся книг о бескорыстных рыцарях, готовых отдать свою жизнь за короля.

— Таким как ты не место здесь. — бросил он, оборачиваясь.

Маринэ еще немного постояла на площади. А потом пошла по пути к Главной Башне.

Было страшно холодно. Казалось, мороз пробирает до кости. Маринэ дрожала, сидя у

черной, покрытой мхом стены и глядя на то, как вокруг суетятся люди. Они постоянно выглядывали туда, где между зубцов серело зимнее небо.

Она закрывала глаза и пыталась представить, что она дома, рядом няня, пусть даже в соседней комнате ворчит старый отец, но главное, что в маленьком камине горит огонь. Она мысленно тянула к нему озябшие пальчики.

— С дороги, юнец. Сейчас сюда принесут солому и дрова. — звеня кольчугой проговорил бородатый мужчина, освящая факелом темное убежище Маринэ. Вечерело. Тени исчезали. Маринэ, кажется, задремала. А тут вскочила от неожиданности.

— Ищи себе другое место. Несите! — прокричал, бородач, куда-то в сторону темного прохода.

Маринэ встала, ее била дрожь. Разогнуться было невероятно трудно. И она побрела. Вдоль темной стены, обходя сидевших. Места нигде не было. Нет, кажется, тут есть. Она с радостью присела на каменный парапет. День был сумбурным. Лица сливались в одно. Из тысячи глаз, которые она сегодня виде, она запомнила только одни. Они словно призрак, стояли перед ней, когда она закрывала глаза. При виде их, ее переполняла жгучая ненависть. Ненависть грела. Она представляла, как она мечом пронзает ему сердце, как в смертельном поединке он падает на снег, как кровь течет по его бледному лицу. Ей почему-то было приятно представлять, как он умирает у ее ног, а она вытирает свой меч о его черный плащ. Меч! Она, кажется, его оставила там. Нужно вернуться за ним. И она снова побрела вдоль стены, вглядываясь в темноту. На том месте где она сидела раньше лежала груда бревен и скирда соломы. Рыться в ней смысла не было. Ее могли свалить, просто не заметив меча в темноте. Она ногой поворошила сено, почти не надеясь на удачу.

— Вот он, владелец железяки. Горе-рыцарь, который умудрился потерять...

— Прекрати! — она обернулась. Человек в черном плаще стоял в нескольких метрах от нее.

— Забирай. Меня такое не интересует. Он кинул меч, в надежде, что она поймает. Меч звякнул о стену. Маринэ, отпрянула, а потом нагнулась за ним. Все было как в тумане. И тут же обернулась, готовая отразить предательский удар, как это бывает в балладах.

— Чего дергаешься? — человек подошел поближе.

Он! Он! Сердце предательски забилося. Почему? Зачем? Маринэ села на солому. Было мягко, но холодно. Он присел рядом.

— Дурачок. Я бы не стал нападать на ребенка. Мне нет смысла тебя убивать.

— Как вас зовут? — спросила Маринэ, засовывая руки в рукава.

— Ферран.

— А меня...

— Меня не интересует, как тебя зовут. Это не важно. Завтра тебя все равно убьют, поэтому запоминать твое имя не имеет смысла. — проговорил он, откидываясь назад.

— Конечно, наемнику это не надо. Катись ко всем чертям! — с вызовом произнесла она. Откуда взялась такая дерзость, Маринэ не знала.

— Девочки не должны так ругаться. — сказал он, поворачиваясь к ней.

— Откуда...

— Я сразу понял, кто ты. Но если тебе так нравится разыгрывать из себя мальчика, то ради Бога. Интересно. Они, наверное, ослепли, когда записывали тебя в рекруты. — равнодушно бросил он.

— Я вижу ты не крестьянка. Девочка из приличной семьи, начитавшаяся рыцарских

романов ушла воевать за свои идеалы. Глупо.

— Еще глупее продавать себя за деньги.

— Война — это не игрушка. И рыцарства там не было никогда. Все решает ни сколько доблесть и бесстрашие, — он криво улыбнулся, кивая в сторону полудремавших защитников. — В войне все решают подкуп, интриги. Если это делают короли, продают победу, торгуясь как на ярмарке, то почему бы и нам не продаваться.

— Из принципов.

— Какие к черту принципы? В этом мире ничего не делается бескорыстно. Ни-че-го. Так лучше заломит цену побольше. Принципами тоже можно торговать. Они как товар намного ценнее, жизни. Пожалуй, самый ценный товар — это честь. Ее можно продать только один раз.

— Ты уже это сделал. — ее слова вырвались с облачком пара. — Что тебе еще осталось продать? Делал ли ты в жизни что-нибудь бескорыстное?

— Давным-давно, но я уже это не помню.

— Тебе легко с этим жить? — с нескрываемым презрением спросила Маринэ.

— Еще как. — он улыбнулся.

— Поэтому в этом мире ты никому не нужен. Никто тебя не ждет. Никто не будет плакать, если с тобой что-то случится.

— А по тебе будут убиваться родители.

— Мама умерла, а отцу все равно.

— Небось, отец уже подыскал тебе подходящую партию. Выйдешь замуж, если выживешь, нарожаешь детей.

— Я... кхе... кхе... — Маринэ хотела что-то сказать, но закашляла, заслоня рот рукой. На ладони появилась кровь.

— Укройся моим плащом. — он смотрел на то, как она вытирает кровь.

— Нет. — твердо сказал Маринэ.

— Я не хочу проснуться рядом с околевшим трупом.

— Неттт. — ее зубы отбили барабанную дробь. — Тттебе же все равно.

— Ты похожа на отца. Старик Ференс такой же вредный.

— Значит, ты знаешь, кто я.

— В какой-то мере да. Ты похожа на мать, а характер у тебя отцовский.

— Ты знал моего отца?

— Укройся, я кому говорю. — мягко сказал Ферран.

Она привстала и завернулась в плащ. Стразу стало намного теплее. Плащ пах ветром, кровью и сталью. Почему-то сразу возникала такая ассоциация.

— Мы с твоим отцом однажды провернули одно дельце. Едва не стоившее нам жизни. С тех пор я с Ференсами не связываюсь.

Она чувствовала, что веки слипаются, а от тепла клонит в сон. Было мягко-мягко и тепло. Ей снилось, что она лежит под одеялом и слушает сказки старой няни. Она не заметила как, склонила голову ему на плечо, как поерзав, медленно сползла к нему на колени, подобрав под себя ноги.

Он, глядя на эту спящую безмятежность, улыбнулся. Еще час назад она хотел убить его. Еще час назад ему было приятнее оборвать эту жизнь коротким ударом клинка. А теперь у него на руках спал почти ребенок. Ребенок его врага. Он хотел положить свою руку на ее плечо, но потом передумал. Ферран еще долго сидел, глядя в сумрачную даль. А потом

отстегнул плащ, встал и, блестя в лунном свете серебристым наплечником, подошел к самому краю зубца, перегнулся через него и долго всматривался в темноту.

— Просыпайся. — что-то теребило ее за плечо.

— Что?! — она приподнялась, открыв глаза.

— Вставай. — прошептал он. Его лицо казалось еще бледнее в ореоле растрепанных волос.

— Фер... — сонно проговорила она, высвобождаясь из теплых недр плаща. Он пристегивал плащ обратно. Справа, не слева, как у всех, а именно справа болтался тонкий, длинный меч в изукрашенных ножнах.

— Ты воюешь левой рукой?

— Да. Вставай, вставай... — он схватил ее за руку и потянул за собой. Сонное тело слушаться не хотело, но он все ускорял шаг.

— Куда мы идем? — Маринэ начинала просыпаться.

— Вниз по лестнице. Осторожно, ступенька.

— Я ничего не вижу.

— Мне что, тебя на руки взять?

— Еще чего!

Они спустились на нижний ярус. Они быстро шли мимо спящих. Потом снова лестница. На маленькой террасе Маринэ вырвалась и остановилась.

— Объяснись!

— Крепость взята. Без малейшего шума. Наши сами открыли дверь.

— Нужно предупредить всех!

— Ты опять за старое. — с раздражением бросил он.

— Нужно обороняться! Ты как хочешь, а я остаюсь. — сказала она гордо, вытащив свой меч.

— Дура. Они убьют тебя. — он начинал злиться.

— Попробуй меня остановить! — зашипела она.

Он, молча, молниеносным движением, выхватил меч и ударил. Сталь звякнула о сталь. Маринэ напрягла всю силу, чтобы не выпустить меч из рук.

— Сама напросилась. Легкое ранение и мне придется нести тебя на руках. Ты этого добиваешься?! — зашипел он, сузив нечеловечьи глаза.

— Прости. — Маринэ опустила меч. — Но потом у тебя будут угрызения совести. Мы могли победить...

— Война была проиграна еще до ее начала. Пошли. В проходе стояло несколько человек. На них были алые доспехи и плащ как киноварь.

— Все из-за тебя. Могли выйти без лишнего шума. — мрачно бросил он, доставая меч.

Маринэ от испуга закрыла глаза. Совсем как ребенок. Но она слышала. Слышала звон мечей, приглушенные крики боли и неприятно режущий звук.

— Посмотри. Посмотри сюда. — сказал Фэр, отнимая ее руки от лица. — Вот эта война. Кишки, кровь, грязь... Об этом не пишут баллад. Пошли. И они спустились еще немного, и вышли через узкий ход в город. На улицах было тихо. Город безмятежно спал, еще не зная, что готовит ему грядущий день. Оставляя тонкую цепочку следов они шли по темным улицам, до тех пор, пока Маринэ не увидела знакомые очертания отцовского дома.

— Все. — выдохнул Фер. — Поиграла в войну и хватит. Возвращайся к отцу, живи тише

воды. Забудь о том, где была и что делала. Прощай. Прощай навсегда. Он резко дернул ее за руку и притянул к себе. Она едва доставала ему до плеча. Он склонил голову к ней и поцеловал. Она чувствовала биение его сердца. Она чувствовала его дыхание. Губы дрожали. Ах, если бы миг оказался вечностью. От его поцелуя ей стало жарко, и волна теплоты поднялась откуда-то из живота. Из глаз потекли слезы. Она так плакала только в детстве. Главное не всхлипывать. Нужно плакать молча.

— Не надо — нежно сказал он, вытирая перчаткой ее слезы.

— Ты многому меня научила. Есть вещи, которые нельзя продать. — прошептал он. — Я бы хотел остаться с тобой. Навсегда. Я бы хотел не отпускать тебя. Что ты делаешь со мной? — Он провел левой рукой по ее волосам.

Она подняла на него глаза.

— Я хочу запомнить твои глаза, твои губы... Ты совсем ребенок. Девочка из рода Ференс... Почему все в жизни так сложно?

— Я... хочу быть с тобой.... Только с тобой... — прошептала прижимаясь щекой к его груди.

— Это пройдет. — выдохнул он.

— Пообещай, что будешь со мной... Пожалуйста... Иначе я не вернусь домой...

— Я всегда буду с тобой... — сказал он, вкладывая ей в руку что-то холодное и маленькое.

— Мне дала его мать. Давным-давно. Вы с ней чем-то похожи. У нее были светлые волосы... Ее звали Эвен.

— Ты говорил, что имя мое не имеет значения. Но... меня зовут Маринэ. Маринэ Ференс.

— Скажи, что ты написала в бумагах?

— Ференс... А что?

— Ничего. Прощай. — он отпустил ее и она побрела домой.

В ту ночь в городе полыхал пожар. Горела военная канцелярия. Но девочка, которая безмятежно спала, об этом не знала. В ярких отблесках огня горели документы. Точно так же, горел странный камень, в тонкой оправе кольца, надетого на маленький пальчик.

— Поймали... Поймали, прямо на месте. Шел себе, как ни в чем не бывало. — запыхавшийся стражник доложил начальнику. Начальник, трубно сморкался, периодически разворачивая платок, чтобы изучить его содержимое.

— Все... дотла. — проговорил стражник морщась от брезгливости.

— Его величество будет недоволен... Он хотел почтить героев... По-своему...

— Я нашел писаря...

— Привести его! Да. И скажи, чтобы принесли еще платков. Отвратительный климат, отвратительная страна.

— Вы хотели меня видеть? — сказал дряхлый старичок.

— Очень. — проговорил начальник дворцовой стражи. — До завтра ты должен кое-что вспомнить.... Имена... защитников...

— Да, но их было много...

— А ты вспоминай, не торопись. Иначе вместо них будешь ты. Понятно?

— Я все не вспомню...

— А все и не надо...

Тем временем в рассветной мгле в город вошел Юнк со своей армией. Это был еще достаточно симпатичный, средних лет, мужчина со скуластым лицом. Недалеко от королевского дворца он отдал страшный приказ армии, а сам с группой солдат прошел во дворец. Его шаги гулко раздавались в пустых коридорах. Рядом с тронным залом стояло несколько стражников. Но их мечи оказались бессильны против Юнка и его свиты. Открыв дубовую дверь, он увидел, сидящего на троне человека. Он походкой победителя шагнул вперед. В полумраке тусклых свечей на троне сидел король Эдвард. Его лицо было уставшим и спокойным.

— Сидишь, как крыса в норе. — голос Юнка унесло эхом. — А твоя армия давно лежит мертвая. Проси о пощаде.

Когда-то давным-давно, Юнк был простым казначеем, а потом сделал молниеносную карьеру, подняв себя до уровня советника. Организовав смуту, он занял престол, самолично убив всех наследников. Так он провозгласил себя императором. Но жадность его была непомерной, так же, как амбиции. Поэтому он организовал военный поход против соседних государств. Завоевав их, всех он двинулся на север, собрав войско из поработанных соседей. Теперь же он вспомнил те времена, когда ему указывали что нужно делать, и его охватила ненависть и злоба. Мелочная, но беспощадная.

— Чего молчишь? — самодовольно произнес Юнк. На минуту ему показалось, что король отравил себя, лишив Юнка удовольствия лицезреть последний спектакль.

Юнк подошел поближе и...

Две тени бесшумно вошли в дом. На них были плащи и капюшонами, почти полностью укрывавшие лица.

— Заказ готов? — медленно растягивая слова, произнес тот, что был повыше.

— Да. — тихо проговорил Мастер.

— Покажи. — приказал тот же гость. Второй молчал.

Мастер сдернул покрывало.

Высокий гость кивнул второму.

— Вылитый Эдвард. — произнес второй. — Вот деньги. Как договаривались. И он поднял статую и, накинув покрывало, понес к карете. Но первый почему-то не уходил. Он медленно подошел к Мастеру. Второй вернулся и встал в дверном проеме.

— Закрой дверь. — приказал первый. — и подойди сюда. И тут что-то сверкнуло в руках первого, и Мастер пошатнулся. Он схватил со стола колбу с каким-то порошком и разбил ее.

— Мне нужно кое-что сказать Вам, господа. — прохрипел он.

Второй наклонился к нему, и Мастер едва коснулся его лица пыльной перчаткой. — Это мой последний подарок. Тени выскользнули из дома, так же незаметно, как и вошли. А на полу, в луже крови умирал великий Мастер. Он видел отблески огня, крики «пожар». Но он умирал с улыбкой на лице.

— Статуя? — Юнк от удивления отпрянул. — _Разбить ее немедленно. Так значит ты — статуя? Вечный правитель...

Стражник, поднял тяжелую булаву и ударил. Статуя рассыпалась, оставляя облако пыли.

Наутро Юнк проснулся со странным ощущением. Голова гудела, а лицо жгло невыносимо. Он подошел к зеркалу и увидел... На его крик сбежались слуги. Отшатнувшись от зеркала, он бросился на балкон, в надежде, что это сон, и зимний воздух заставит его проснуться. Он видел, как суетилась стража, как что-то выносили в рогоже.

— Что там? — крикнул Юнк.

Стража остановилась. Один из них, носком сапога отогнул край и Юнк увидел то, отчего ему сделалось дурно. Стражник. Который одним ударом совершил дворцовый переворот, был больше похож на кровавое месиво.

— Умер. Ночью. — и рогожу завернули. Мастер всегда оставлял свою подпись под слоем эмали. Но видели ее только те, кто пытался уничтожить шедевр.

— Имя?

— Ферран.

— Откуда родом?

— Не знаю.

— Наемник?

— Да. Я хочу видеть Юнка.

— Император болен. Он никого не желает видеть.

— Я воевал на его стороне когда-то. Я его хорошо знаю. Скажи ему, о мести старого Эдварда.

— Входите. — человек, который произнес это сидел спиной к входящему. Голос его был слаб. — Вы знаете лекарство от этого... Противоядие...

— Да. Но вам нужно показать ваше лицо. — человек в черном плаще спокойно посмотрел на маску из язв.

— Вы стояли далеко от трона?

— Нет.

— Одежду сжечь. На лице останутся шрамы, но главное не мочить. Не протирать. Иначе яд впитается еще глубже. Кисти рук?

— Нет. Я был в перчатках.

— Вам же лучше. Яд перестанет действовать через три дня. Потом намажьте лицо жиром.

— Что ты хочешь за это? Чтобы я сохранил твою жизнь?

— У меня есть одно условие.

Старик-писарь потрудился на славу и через три дня списки были составлены. Стража, заходил почти в каждый дом.

— Ференс?

— Да. — сгорбленный старик сидел и смотрел на вошедших безумными глазами.

— Мы пришли за вашим сыном. Он арестован за оказание сопротивления.

Маринэ в простой рубаше стояла и смотрела то на отца, то на стражников.

— Сын, подойди сюда. — прохрипел он.

Маринэ не шевельнулась.

Один стражник посмотрел на Маринэ, глядя на испуганное лицо девушки, он кивнул другому и тот грубо схватил ее.

— Это девка!

— Не важно. Приказ есть приказ.

— За что? — кричала, извиваясь Маринэ.

— Ваш... ваша дочь... оказала сопротивление.

— Папа! — взвизгнула Маринэ.

Отец поднял на нее невидящие глаза и произнес:

— Уми с честью, сын мой... Вспомни науку отца... — он обвел мутным взглядом комнату и остановился на шкатулке. Не бандиты... Ничего не украли... И погрузился в сон.

Камера, куда бросили Маринэ, была холодной и сырой. Она глотала слезы, и шевелила губами. Что она шептала светлomu квадрату неба в зарешеченном окне никто никогда не узнает. Что за молитвы срывались с ее уст? Но в этих молитвах было только одно имя... День сливался с ночью. Маринэ сидела на гнилой соломе и смотрела в окно. Когда сквозь прутья решетки появлялась луна, она закрывала лицо руками. Было не понятно, плакала она или нет, потому, что с детства привыкла плакать молча.

Юнк, приказал воздвигнуть небольшое возвышение, назначение которого так и оставалось бы загадкой, если бы немногочисленные аресты. Казнь. Это слово слетало с восторженных мальчишеских уст. Казнь. Это слово больно резало сердце матерей. Казнь. Оно бросало в дрожь каждого, кто его слышал, ведь среди обреченных можно было увидеть знакомые или даже дорогие лица. Казнь.

Да, давненько никого не казнили в Зимнем Городе. Эдвард не любил такие представления, поэтому преступники почему-то умирали, не дожив до эшафота.

Маринэ вывели на улицу. Яркий свет ударил ей в лицо. Она зажмурила глаза. Ее почти волоком тащили до ступенек. Перед самыми ступеньками, ноги ее отказали, и солдаты несли ее на руках.

Обреченных было немного. Кто-то в толпе надрывно кричал. Кто-то плакал. На лицах осужденных читался страх. Кого-то била дрожь. Кто-то молча, опустив голову что-то бубнел. Кто-то плакал навзрыд. Но один человек стоял спокойно и гордо. И было что-то королевское в его осанке. Было что-то жестокое в его профиле. Он, молча, смотрел вниз, словно ища кого-то. Маринэ на миг забыла о страхе. Да, она знала эти длинные волосы, которые сейчас просто струились по ветру, облепляя лицо. Она знала эти глаза, которые расширились, видя ее. Он больше не смотрел в толпу. Он смотрел только на нее, а она на него. И было что-то мистическое в их взглядах. Что-то, что не подвластно простому пониманию. Он резко отвел глаза в сторону балкона, на котором восседал император, а потом снова на нее. И только на нее. Как будто никого больше не было на Земле. Император дал знак и казнь началась. Какого-то бедолагу, волоком тащили к пню, пока палач точил топор. Сон. Наверное, это сон. Можно я умру первой. Я не смогу... Я не смогу это видеть. Я... Она видела как подошли к нему, но он остановил их жестом, что-то сказав. Фер посмотрел на нее и произнес только одно слово. Едва слышно. Но она помнит. Помнит каждый жест, каждый взгляд. Время остановилась. Маринэ обещала себе не смотреть, закрыть глаза, но не смогла. Как зачарованная она смотрела, как он подходит к пню, как склоняет голову. Как черные волосы ложатся на окровавленный снег. Он специально отвернулся, чтобы она ничего не видела.

Судья зачитывает приговор. Палач медленно заносит топор и... Голова, скатилась как кочан капусты упавший у торговки. Ее тут же спрятали в мешок, а тело убрали. Маринэ закричала. Так пронзительно и страшно, что в толпе все затихли. А потом ее вырвало прямо на ноги державшего ее стражника. За это она получила в живот ногой. Согнувшись, она не могла встать. Но эта боль была неощутимой, по сравнению с той, предыдущей. Захлебываясь от рыданий, судорожно глотая воздух, она твердила только одно имя. Ее резко подняли. «Я следующая... Скоро мы будем вместе. Навсегда. Я иду к тебе... Мой Фер.». Она выпрямилась и шагнула к пню. Она положила голову в его еще не остывшую кровь. Ее щека была в его крови. Ветер. Кровь. Сталь. Я иду к тебе. Мне не нужен этот мир без тебя. Ее слезы мешались с его кровью. Маринэ хотела запомнить все. Окровавленный снег, бледные лица и вкус его крови. Но ее подняли. Она стояла, ничего не понимая, и смотрела на толпу. Прекрасная, в своей печали. Волосы слиплись от крови, лицо было полностью испачкано. Ей дали тряпку, чтобы вытереться.

— ... заменена пожизненным изгнанием....

А потом дали коня и открыли ворота.

Конь под Маринэ был огромный и черный. Она не могла совладать с ним. Проехав достаточное расстояние, он остановился как вкопанный, а потом, резко встав на дыбы скинул Маринэ прямо в сугроб. Развернувшись к ней мордой, он смотрел на нее черными, как ночь глазами, а потом дико заржал, обнажив острые, как у хищника зубы.

— Господи. — простионала Маринэ глядя на его огромную пасть. — Что ты такое?

Конь, мотнул головой, и стал приближаться к ней. В его горячем дыхании она чувствовала приближение смерти. Она закрыла глаза руками. Дыхание приблизилось к ней и замерло. Она медленно открыла глаза. И глядя сквозь пальцы, увидела нечто, от чего ей стало окончательно плохо. В глазах коня загорелся странный свет.

— Ты носишь кольцо, но в тебе течет человеческая кровь. — прошипел он — Я не могу причинить вред тому, кто его носит... Но ты — человек. Где он? Где черный господин? Почему на тебе его кольцо?

Маринэ думала, что сошла с ума. Но потом поняла.

— Я... он... он умер... Его казнили... Сегодня... Я не знаю, что мне делать...

— Я не буду служить тебе...

— Я прошу... Я прошу только об одном... Помоги мне отомстить за него...

-Ты мне не приказ...

— Я прошу тебя... Одна я не справлюсь...

— Род прерван. У меня больше нет хозяев.

— Я не хочу быть твоим хозяином. Я прошу о мести.

— Это слово слаще, чем твоя кровь... Я не могу вернуться обратно, пока не исполню последний долг... садись на меня... Но вести буду я...

Она с опаской подошла к зверю, закинула ногу и села в седло. Конь рванул вперед. Они летели, сквозь зимний лес, а ветки больно хлестали по щекам. Наконец из белоснежной пелены встала тонкая белая башня, почти не заметная издали. Маринэ спешила и подошла к ней. У башни не было ни дверей, ни щели, куда можно было пролезть. Она была из цельного камня. Маринэ обошла ее со всех сторон, а потом бессильно оперлась на нее двумя руками. В том месте, где кольцо соприкоснулось со стеной, появилась дверь. Она толкнула ее и вошла. Внутри было затхло и темно. Она наощупь поднялась по лестнице и вошла в

небольшую комнату. В комнате была смятая постель, в которой давно никто не спал, стол, на котором лежали пыльные бумаги, вокруг стола высились горы книг, а в самом верху было маленькое резное окошко. Жить можно. Маринэ шагнула к столу, взяла наугад первую бумагу, стряхнула с нее облачко пыли и попыталась прочитать. Подчерка была два. Один темный, ровный витиеватый, а другой беглый. Кто-то писал какие-то заметки на полях. Но разобраться было трудно.

Маринэ вылетела с бумагой в руках из башни и подошла к коню.

— Что это?

— Тебе это не надо. — прошипел конь.

— Кто здесь жил до меня?

— Он, хозяин.

— Черный человек?

— Нет. Настоящий хозяин. Первый.

— А ты так и будешь стоять здесь? Тебе не холодно?

— Сначала, чтобы ты не умерла с голоду я схожу на охоту.

Маринэ пыталась развести костер, но ничего не выходило. Сучья были мокрые, а брат бумагу она не посмела. Кремень, что находился в сумке коня, почти сточился, а есть зайца сырым не хотелось.

— Та бумага, она с тобой?

— Ты можешь ее прочитать?

— Она тебе не нужна. Разожги с ее помощью.

Кушая зайца, она сидела на снегу, а рядом стоял конь. На клыках его была кровь. Свою долю он уже съел. Сырой.

— Кто был твоим первым хозяином?

— Юноша. Он заставил меня ему служить, наложив два запрета — запрет «крови» и запрет «кольца». Согласно запрету крови я не имею право разговаривать с хозяином, а так же принимать ту форму, которую мне удобно. Этого запрета больше нет. А запрет «кольца» еще действует.

«И пока он действует — я в безопасности». — подумала Маринэ, бросая косточку в костер.

Вечерело. Солнце медленно катилось за зимний лес.

— Ты будешь спать здесь? — спросила Маринэ.

— Я не сплю. Я буду здесь, а с утра поднимусь в башню.

С утра Маринэ чувствовала себя лучше. Жажда мести немного притупила боль утраты. Но она открыла глаза, она увидела черный плащ, темный волосы, склонившегося над столом человека... Это сон... Сон... Я должна проснуться. Она резко вскочила. Человек обернулся. Те же черты лица, тот же изгиб бровей, тот же плащ...

— Фер...

— Я не знал, чей облик принять. А потом решил принять облик своего последнего хозяина. Потому, что первого я не почти не помню.

Из глаз Маринэ покатались слезы. Она глотала их, прижимая пожелтевшую от времени подушку к груди.

— Это... жестоко.... Так жестоко... зачем.....

— Ты была предана моему хозяину?

— Я... любила его.

— Я не знаю, что значит любить. Я знаю только преданность.

— Это когда хочешь отдать жизнь за того, кто тебе дорог...

— Преданность.

— Это когда ты хочешь видеть его каждый день...

— Привязанность.

— Это когда ты хочешь обнять и не отпускать никогда...

— Глупость.

— А стать единым целым...

— Желание. Так что такое любовь?

— Если говорить на твоём языке, то это глупость, привязанность, преданность и желание вместе взятые. Но есть ещё одна вещь, которую тебе не понять...это нечто больше... Трудно рассказывать о любви тому, кто её не испытывал.

— Мне принять другой облик?

— Не надо. Я привыкну.

То, как он говорил. В том, как он стоял, было что-то родное, близкое. Но что-то было не то.

— Я нашёл тут кое-что. Это использовал мой первый хозяин.

— Кто он?

Призрак кивнул на стену. На стене под слоем пыли было видно лицо. Маринэ подошла, счистила пыль и увидела кого-то очень похожего на Фэра. Что-то в лице. Что-то в глазах. Но волосы его были белы как снег.

— Я называл его Господин, а люди Амидон.

Так вот оно что... Амидон был предком Фэра. Я помню ещё кое-что... Моя фамилия тоже была там. Мы с ним, получается дальние родственники. А если вспомнить о принцессе-узурпаторе то.... В одной книге было написано, что её ребенок был сыном... Господи..... Нужно спросить.

— Прости, что отвлекаю... А у Фэра как звали отца?

— Я в его биографии копать не собираюсь.

— Скажи! Это важно!

— У него не было отца. Он рос с матерью. Но она матерью ему не была. Она увезла его из замка на мне, после того как я привёл принцессу сюда.

— Я ничего не...

Значит, если Амидон правил более ста лет, то вполне возможно, что Фэр мой

Когда темная, бледная женщина подошла к мосту, то она увидела другую. Та была настоящей красавицей. У неё были огромные синие глаза, а волосы золотым шелком падали на спину, обтянутую синим бархатом.

— Что ты здесь делаешь, черноокая? — спросила она, не церемонясь.

— Тоже что и ты златокудрая. — ответила женщина в черном.

— Значит, мы с тобой ищем одного человека. Но ты можешь убираться в свои темные чертоги. Я его нашла. — загадочно улыбнулась златокудрая.

— Я его вижу, но пока что он для меня недостижим... — сказала черноокая.

— Все-таки мне приятно, что я нашла его раньше. Я знаю верный способ получить от него то, что мне нужно.

— Где он?

— Она там, — загадочно сказала златокудрая, махнув ажурным рукавом в сторону башен Зимнего Города.

— Я знаю способ еще вернее. — улыбнулась черноокая. Но ее улыбка была некрасивой.

— Почему она не отдаст его. Не избавиться от него?

Две женщины стояли в толпе, среди тех, кто пришел поглазеть на казнь.

— Это очень дорого ей. Любовь, понимаешь... — сказала златокудрая.

— Мне не понять этого, златокудрая. Значит, ты зацепила и ее?

— Посмотри на него, черноокая... Разве девочке, которая в жизни не видела никого, кроме страшного отца, можно устоять перед ним?

— Я все-таки думаю, что с глаз долой из сердца вон. Девичья любовь не вечная. Найдет себе кого-нибудь. А его выбросит из головы, а потом из сердца. А с ним и все, что их связывало, златокудрая.

— Их связывает гораздо больше чем просто любовь. Они родственники. Как будто ты этого не знала? Он ее дядя. Но они этого не знают.

— Значит им изначально не суждено быть вместе. Это все решает, он должен умереть.

«Он мой... дядя. Господи... как это возможно. Если бы я знала раньше... Что бы было? Наверное это ничего не изменило. Интересно, а он знал? Вряд ли... Иначе бы не стал... Наверное, даже если бы это знал мы бы постарались об этом забыть. Мы бы просто жили. Здесь об этом никто не знает. Может, лучше, чтобы я этого не узнала никогда. Но это ничего не меняет. Для меня — ничего».

— Для нее это не важно, пойми черноокая.

— Они все передо мною равны, златокудрая.

— Смотри, как она бьется. Ей очень больно, черноокая.

— Другого способа нет. — отрезала черноокая

— Вот. — сказал призрак и бумагу Маринэ.

— Что это?

— Это то, что ты сможешь сделать сама. Здесь не нужна кровь. Здесь нужна ненависть и жажда мести. Это запретное слово. Его нельзя произносить здесь. Оно смертельно. Это будет лучше, чем просто войти в замок. Ты слишком слаба, чтобы убивать мечем. Но ты сможешь убить словом.

— А как его читают? — Маринэ с удивлением разглядывала написанные от руки, на непонятном языке несколько букв.

— Если желание отомстить выжигает тебя изнутри, то ты его узнаешь. В определенный момент. Сама.

— Я... кхе... кхе... — она вытерла кровь. Кровь стала появляться все чаще.

— Лучше ночью. Так будет красивее. Я только один раз видел, как его используют. Все зависит от того, как ты ненавидишь. — призрак откинул волосы.

— Пожалуйста, побудь со мной... Не уходи... Просто сядь... Можно я положу голову тебе на колени.

— Мне все равно. Я — не он. Я только оболочка.

— Не говори так. Я хочу поверить. Хоть на секунду. Поверить...

— Я потеряла ее след, несмотря на то, что на ней моя печать. А ты ее чувствуешь, златокудрая?

— Да. Я ее чувствую всегда.

Ночь темным плащом ложилась на плечи Маринэ. Она стояла на холме, неподалеку от города, никем не замеченная.

— Ты, правда, решила? — спросил призрак.

— Да.

— Ты не простишь?

— Нет.

— Погибнут многие.

— Не важно. Здесь больше нет того, кого я любила. — она встряхнула волосы.

— На этом холме его сказали впервые. На этом холме скажут и в последний раз. Я заберу его с собой. Оно вам не нужно. Ты произнесешь и забудешь. А я вернусь к ним. К тем, кто ждет меня уже много веков.

Маринэ стояла и смотрела. Она вспоминала стену, поцелуй и ... — губы ее задрожали. Но не страха. От боли и ненависти. Она крикнула и упала на колени. Слово, как крик дикой птицы, разрастаясь многократно, ушел в небо. Она закашляла. По подбородку побежала кровь. А из пучины ночных небес грянул гром.

— А теперь смотри и наслаждайся. — сказа призрак, опершись на дерево. С неба на Зимний Город упал огромный пылающий камень. За ним другой... Стало светло как днем. Словно игрушечный замок город медленно превращался в руины. Слышались душераздирающие крики. Маринэ сидела на корточках и смотрела. Смерть. Тысяча за одну. Боль — тысяча за две. Пустота... только пустота... Зимний город исчез с лица земли за одну ночь, по слову испуганной девочки. Маринэ упала на снег. И тьма обняла ее, как родную дочь...

— Вот это я называю разрушительной силой любви, черноокая.

— Вот это я называю красотой смерти, златокудрая. Теперь я знаю, где она.

— Я тоже.

Маринэ очнулась в башне. Но подняться сразу не смогла. Закашляла. Кровь. Рядом не было никого. Опять кашель. Опять кровь. Много крови. Она течет по подбородку на грудь. И безумно хочется пить. Маринэ собрала последние силы и подняла руку. А потом опустила ее рядом с кроватью. В миске стояла вода. Она сразу поняла, как прохлада коснулась пальцев. Рядом лежала тряпка. Она рывком встала, вцепившись в края ложа. Близость воды придала ей силы. она дрожащими руками подняла миску и пила. Когда она поставила ее на пол, вода в ней была розовой. Она утерла тряпкой лицо. Попыталась уснуть. Проснулась от кашля. Вся подушка в крови. Волосы в крови. . Она посмотрела в окошко и увидела голубой лоскутик неба. Там где-то солнышко. Интересно, увидит ли она его еще раз. И опять забылась. Опять кровь. Она допила остатки воды и просто закрыла глаза. Как страшно. Страшно умирать одной. Лучше бы тогда. Сразу. Маринэ забылась. Очнулась. Закат. Она потеряла счет времени. Холодно. Она накрылась. Жарко, она раскрылась. И никто... никто не придет...

Никто не обнимет... Никогда... Она поднесла к окровавленным губам его кольцо и поцеловала. Ты обещал... обещал, что будешь со мною всегда... Но теперь тебя нет.

— Она нас видит?

— Нет, но чувствует, златокудрая.

— Она в агонии уже много дней. Кольцо не даст ей умереть. Она будет мучиться долго, но не умрет. Она его не снимет.

Нужно что-то делать. Я не могу на это смотреть.

— Я знаю, златокудрая. Знаю. Есть один способ.

— Я поняла. Но это нарушение всех запретов, черноокая. Она не позволит.

— Она здесь. Я чувствую ее. Она согласна.

Маринэ открыла глаза от того, что кто-то бережно стирает кровь с ее лица. Глоток воды. Она пришла в себя. На кровати сидел Он.

— Призрак, не надо... Мне больно...

— Я обещал быть с тобою всегда...

— Фэр...

— Тише... — он обнял ее. — Все будет хорошо...

— Фэр... Я умираю... А ты жив... Жив... — ей было холодно.

— Не бойся... Я с тобой...

Опять кашель. Опять кровь. Он вытер ее.

— Я люблю тебя... Больше жизни... — она готова была заплакать. — Я никому тебя не отдам...

Она дернулась, и взгляд ее начал мутнеть. Он бережно снял с ее тонких полупрозрачных пальцев кольцо и зажал его в руке.

— Прости, что обрек тебя на это... Я не знал...

— Я... люблю... тебя — выдохнула она и стала медленно оседать.

— Я тебя тоже... — Он коснулся ее еще теплых губ.

— Люб...лю... — и глаза ее закрылись.

— Вот кольцо, как вы и просили. Как Ты просила. Но я вам его не отдам, пока вы не пообещаете мне, что мы с ней будем вместе. Вместе навсегда. Я хочу дать ей другую, более счастливую жизнь... Я хочу быть вместе с ней. Ценой кольца.

— Вы можете друг друга не узнать? Просто пройти мимо... — сказала черноокая.

— Вы можете ненавидеть друг друга... Потом... — сказала златокудрая.

— Я хочу, чтобы мы с ней были вместе, а там мы сами разберемся. — произнес Фэр, протягивая кольцо невидимой длани.

— Да исполниться желаемое... — сказал неслышимый простому смертному голос.

Да, я была там. Я стояла среди них. Я видела все, что было, и знала, что будет. В моей руке было зажато кольцо.

— Вы как хотите Госпожа, но я буду с ними — сказала златокудрая.

— Я тоже буду с ними. По другому — нельзя. — сказала Черноокая.

Они так и ушли вместе, рука об руку Любовь и Смерть....

Больше книг на сайте - Knigolub.net